

АСЯ ЛАВРИНОВИЧ
НЕ ДРУЖИ
СО МНОЙ

«Чудесная история для горячих сердец
и искрящихся глаз!»

@belglazovayaroslava

КНИГА 1

Ася Лавринович
Не дружи со мной
Серия «Young Adult.
Инстахит. Романтика»
Серия «Не дружи со мной», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67127160

*Не дружи со мной:
ISBN 978-5-04-164857-2*

Аннотация

«Не дружи со мной» – первая книга дилогии. Романтичная, милая, смешная история, действие которой происходит на море.

Существует ли дружба между мужчиной и женщиной? Полина Ковалева знает, что это невозможно. Она давно влюблена в своего лучшего друга, но Паша Долгих не догадывается о ее чувствах.

Его угораздило влюбиться в Ульяну Шацкую, главную красавицу и отличницу универа. Чтобы покорить сердце Ульяны, он просит подругу ему помочь.

Но Полина решает насолить сопернице и доказать парню своей мечты, кто ему нужен на самом деле. Вот только она не подозревает, чем обернется ее рискованный план.

Ася Лавринович – один из самых популярных молодежных авторов. Суммарный тираж ее книг составляет более 160 000 экземпляров.

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	23
Глава третья	43
Глава четвертая	59
Глава пятая	81
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Ася Лавринович

Не дружи со мной

*Любовь дает возможность представить мир
таким, каким он должен быть для тебя.*

Мария Башкирцева

© Ася Лавринович, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Глава первая

Существует ли дружба между мужчиной и женщиной? Друж-ба. Дружба. Дру-у-ужба. Друж-ж-жба. Сколько ни повторяй, радостнее не станет. Словно в пустыне меня подхватила воображаемая песчаная буря, и это ненавистное слово начало съедать глаза, скрипеть на зубах... Дружба.

Есть ли она между нами? Засматриваюсь в родные зеленые глаза, и мир на мгновение застывает. Я часто борюсь с желанием подойти к Нему, крепко обнять и, уткнувшись носом в шею, негромко во всем признаться. Но мой друг имеет скверную привычку все переводить в шутку. Пробовала ли я поговорить с ним о своих чувствах? Что ж, как-то раз...

Печальные размышления перебил Пашка. Он по-свойски обнял меня за плечи и громко спросил:

– А какой был вопрос? Повторите, пожалуйста.

– Есть ли дружба между мужчиной и женщиной? – пролепетала стоящая перед нами первокурсница с социологического. В руках у девчонки толстый блокнот и ручка. С тех пор как Паша подошел к нам, она то и дело бросала на друга заинтересованные взгляды. Теперь кокетливо убрала прядь волос за ухо, потупила глазки... Снова подняла их на Пашку и призывно моргнула пару раз. Вот так: луп-луп.

– Дружба между мужчиной и женщиной? – непонятно чему обрадовался Паша. – Конечно, существует! Перед вами –

яркий пример такой дружбы.

– Угу, – криво улыбнулась я, хотя мне хотелось метать молнии в девицу с блокнотом. Хватит! Хватит на Пашку пялиться!

– Вот мы, – важно начал Паша, – с Аполлинарием Сергеевичем...

– Можно просто Полина, – поправила я. Не обязательно всем вокруг знать, что мы с Павлом немного того. Но друга разве когда-нибудь волновало общественное мнение? Это ж так, мелочь.

Что и говорить, а любовь все-таки зла... В моем случае полюбишь и лучшего друга Пашу Долгих, тот еще парнокопытный.

Парень не обратил на мое замечание никакого внимания и продолжил:

– Поля, сколько лет мы с тобой дружим? Года четыре?

– Шесть лет, – снова поправила я.

– Вообще никогда не ссоримся! – заливал Пашка.

– Как же! – крикнула я от досады. Зачем он обманывает?

Не ранее как утром мы поцапались из-за того, что я припозднилась и не успела к первой паре. Я, к слову, всегда на учебу опаздываю. Ничего с этим не могу поделать. Преподаватель не пустил меня на пару, а в моей сумке Пашкины конспекты лежали. Вот друг и разозлился, когда его ответить попросили... На перемену вышел, едва ли дверь ногой не выбив, ослепив меня дневным светом, который полился из

аудитории. И я к стеночке в ужасе прижалась... В общем, поскандалили немного.

А первокурснице-то стоит сочиняет... Сама доброта. Слышала бы она, как Долгих мне в коридоре выговаривал за очередное опоздание.

Я подняла голову и покосилась на друга. Пашка лучезарно сверкал белоснежной улыбкой, от которой сердце мое жалобно екнуло. Он всегда так улыбается, когда перед нами появляется симпатичная девушка. Паша включает свое обаяние на полную катушку, и мало кто из барышень остается равнодушной. Вот и студентка соцфака скромно улыбнулась в ответ и, вновь кокетливо потупив глазки, сделала какие-то пометки в блокноте. Я отвела взгляд и уставилась в небо. Это выше моих сил! Над тихим зеленым двориком университета проплывали причудливые белые облака...

– А как вы познакомились? – спросила девица. – При каких обстоятельствах?

– Нас в девятом классе за одну парту посадили, – охотно сообщил Пашка. – Полина по алгебре тупила, а я по русскому. Так и слепились.

– Слепились? Как пельмени, что ли? – нахмурилась я. – У тебя с русским языком до сих пор проблемы.

– Не сердись, пельмешек Аполлинарий, – пожал плечами Паша. Первокурсница глупо хихикнула и снова что-то записала в блокноте. Пашка заулыбался. Я попыталась подглядеть, что девица там строчит, но она ловко увернулась.

– Про пельмени, наверное, записывает, – шепнул на ухо Паша, дабы унять мое любопытство. – Жрать что-то захотелось.

Я покосилась на друга и шумно вздохнула. Угораздило же влюбиться в такого несерьезного и безответственного человека. Нет чтобы полюбить какого-нибудь академика. Хотя тот вряд ли придумывал бы мне забавные прозвища. Да и вообще с ним, наверное, со скуки помереть можно – с академиком-то. А вот с Пашей не соскучишься. Да и сердцу ведь не прикажешь.

В этот момент Долгих кто-то окликнул. Мы обернулись. За нами стоял довольный Пашкин приятель в яркой летней рубашке, на которой были нарисованы бананы. У Павла много приятелей, все вечно чему-то радуются... Парни, что с них возьмешь. Никаких проблем!

– Один момент, – извиняющимся тоном проговорил друг и отошел от нас.

– Какой классный парень! – не стесняясь моего присутствия, заявила девица с блокнотом.

– Кто? – хохотнула я. – Банан?

– Какой еще банан? Вообще-то я о вашем приятеле, – с вызовом произнесла первокурсница. Узнав, что мы только дружим, девчонка явно осмелела. Пялилась на Пашу, который стоял в сторонке со своим знакомым и, активно жестикулируя, что-то объяснял.

Я осмотрела Пашку с ног до головы, будто впервые в жиз-

ни видела. Равнодушно пожала плечами: мол, что в нем можно найти?

– Симпатичный, конечно, – согласилась я, – еще с головой все хорошо было бы.

– А что у него с головой? – насторожилась девчонка.

– А он сумасшедший, – доверительно сообщила я, – по пятницам в женские платья одевается.

– Да ладно? – воскликнула первокурсница с соцфака, крепче прижимая к груди раскрытый блокнот. – И не скажешь. Кажется таким мужественным.

– Как же, мужественный! – хмыкнула я. – Мы сначала думали, он шутит. Ну один раз прикололся, второй... Но когда у меня кофточка розовая пропала, кашемировая, тогда уже забили тревогу. Тут ведь не только переодевания, но и воровство – подсудное дело.

Пашка обернулся к нам и, заметив, что мы его рассматриваем, вопросительно кивнул. Я помахала ему в ответ и снова обратилась к девчонке с блокнотом:

– Если боитесь недосчитаться любимого платья, не рекомендую вам с Пашей связываться.

Девчонка закивала. Она приняла мою шутку за чистую монету? Какая же дурында! Я едва сдержала смешок.

Думала, Пашка не подойдет к нам, но, договорив со своим банановым приятелем, друг снова нарисовался около меня.

– Куда пойдут результаты вашего опроса? – вежливо поинтересовался Долгих.

– Это для моей курсовой работы, – быстро произнесла первокурсница, поспешно закрывая блокнот. Она так засуетилась, что выронила ручку. И девчонка, и Пашка присели на асфальт практически одновременно. Вместе схватились за упавший предмет и посмотрели друг на друга. Ну как в кино! Только музыки романтической не хватало. И толстячка-купидона над их головами. Хотя над этой парочкой, словно голодный коршун, уже нависла я. Чем не купидон, который еще не успел сбросить пару наеденных за зиму килограммов? Эх, были бы у меня в руках лук и стрелы, мало б этой социологичке не показалось...

– Пожалуйста! – разогнулся наконец Пашка, протягивая девчонке шариковую ручку.

– Спасибо! – заулыбалась она во весь рот. И снова свое коронное: луп-луп.

– Пашка, а ты когда мне юбку отдашь? – не выдержала я.

– Юбку? – опешил друг. – Какую еще юбку?

– Столько вещей взял у меня, что уже и не помнит, – укоризненно покачала я головой. – Как какую? Красную, в белый горох.

Пока Пашка косился на меня, я шепнула девчонке:

– У него еще и с памятью проблемы.

– А зачем я у тебя ее брал? – осторожно спросил Паша.

– Чтобы надеть, – заявила я. Куда уж теперь отступать...

– Чего-чего?

– Еще и глуховат на одно ухо, – снова обратилась я к сту-

дентке соцфака. И красноречиво поморщилась: – Одни минусы! Не рекомендую.

Наверное, со стороны мы с девчонкой ходили на дегустаторов из «Контрольной закупки», которые стояли возле стола с образцами докторской колбасы.

Затем обернулась к Пашке и громко, словно сварливая бабка своему старому деду, проговорила:

– Потаскать ты у меня ее одолжил!

– С ума сошла? – еще больше округлил глаза Пашка. А потом покосился на девчонку, которая смотрела на нас с нескрываемым интересом. В глазах друга читалось: «Хотелось бы за Полю извиниться. Понятия не имею, что эта нездоровая мелет...» – Красную, говоришь, в белый горох?

– Такую... до пят, – проямлила я, понимая, как глупо выгляжу со стороны.

– Не мог я у тебя такую взять, – серьезно ответил Паша. – Не мой фасончик. У бабули своей спроси.

Первокурсница, сообразив, какую игру я затеяла, теперь взглянула на меня с нескрываемым ехидством. Ай, да ну их всех!

– Мы сейчас на консультацию опоздаем! – воскликнула я, подталкивая Пашку в спину. Хватит ему на хорошеньких младшекурсниц заглядываться. – Надеюсь, мы вам помогли.

Я старалась улыбнуться девчонке как можно дружелюбнее, но, скорее всего, на лице моем появился неестественный оскал.

– О, очень помогли! – усмехнулась она в ответ, снова раскрывая свой блокнот. – Теперь мне все предельно ясно.

А чего хихикает-то? Я нахмурилась. Когда Долгих, попрощавшись с девицей, отчалил от нас на несколько метров, я выкрикнула:

– Пашка, сейчас догоню!

Повернулась к первокурснице:

– А что вам предельно ясно-то, если не секрет?

Девчонка, не поднимая головы от блокнота, проговорила:

– Не секрет. Как я и думала, нет никакой дружбы между мужчиной и женщиной. А друг ваш скорее слеповат, чем глуховат...

* * *

Мы неслись по длинному пустому коридору к аудитории, где должна была проходить консультация. Конечно, Пашка бежал впереди, а я сзади пыхтела, как паровоз, то и дело поправляя слетающую с плеча лямку рюкзака.

– Жан-Поль, объясни, что это было? – не поворачивая ко мне головы, бросил на ходу Паша.

– А? – не сразу разобрала я его вопрос. И быстрее засемила ногами. – Ты уверен, что хочешь сейчас об этом поговорить, Павлентий?

Сразу поняла, что он имеет в виду мою выходку перед первокурсницей. Я решила не ждать, пока огребу сама, по-

этому пошла в наступление:

– Нашел время, когда отношения выяснять. Если мы сейчас снова опоздаем, на меня так препод разозлится, что я вообще не получу допуск к экзамену. И тогда я тебя...

– Какая, на фиг, юбка? – не отставал Паша.

– Сказала ж, белая в красный... ой! Красная в белый горох...

– Ковалева! – гаркнул Пашка.

Мы одновременно притормозили и, тяжело дыша, уставились друг на друга. Конечно, рано или поздно Пашка догадается, по какой причине я отгоняю от него девчонок. Каждый раз, вообразив себя Розой Сябитовой, я заявляю, что очередная новая подружка ему не пара. А кто пара? Я?..

Как-то в десятом классе Паша пытался отвадить от меня одного кавалера. Парни даже за гаражами подрались. Я тогда жутко обрадовалась, думала: вот оно – счастье! Но, как оказалось, дело было совсем не в ревности. Эти глупые мальчишки устроили бойцовский клуб из-за предстоящих городских соревнований по серфингу. А я уж себе насочиняла...

Конечно, иногда Долгих тоже включал одну из ведущих «Давай поженимся!», критикуя моих ухажеров. Все ему Луна в знаке Козерога мешала. Как только в душе моей затеплилась надежда, что он не хочет видеть рядом со мной другого, Паша одобрил одного парня – Степу. Дело было на первом курсе, мы со Степой в кафе познакомились. И даже встречались целых пять месяцев. Но, сколько бы я ни уговаривала

себя, что Степа – моя судьба, огромной пламенной любви у меня с этим парнем не случилось. Даже не знаю, зачем я дала ему шанс. Возможно, мне просто надоело быть одной и наблюдать, как рядом с Пашей меняются девчонки. Хотелось забыться и, может быть, по-настоящему влюбиться... Но не судьба. Со Степой мы, кстати, расстались без скандала. Парень и сам чувствовал, что он герой не моего романа. Но в нашу последнюю встречу не удержался от колкости и передал пламенный привет Паше.

– Всегда тебя к нему ревновал, – признался Степа.

– Со стороны это так заметно? – огорчилась я.

– Увы, – вздохнул Степа, – Думаю, рано или поздно вы все-таки сойдетесь.

После того разговора прошло уже два года. Не сбылось. Не сошлись.

Конечно, узнав о моих чувствах, Пашка сначала бы рассердился, затем посмеялся, а потом... стал бы меня избегать? Ведь я ему ни капельки не нравлюсь как девушка. Просто друг. Аполлинаруй Сергеевич, Жан-Поль, а вот и Полли... Ему все шутки. А я не хочу его терять. Господи, ну почему он после школы поперся следом за мной в тот же город, в тот же университет, да еще и в одну группу на факультет политологии? За что мне эти мучения?

– Вот уж и приколоться нельзя, – равнодушно пожала я плечами, – по-моему, с юбкой забавно вышло.

– Что забавного в том... – начал Паша, но я уже демон-

стративно забарабанила в дверь аудитории.

– Вот это тяга к знаниям, – покачал головой Пашка.

– Допуск к экзамену хочу! – буркнула я в ответ.

Ох, если бы я знала, как стремительно начнут развиваться события дальше, то с радостью сосватала бы друга за первокурсницу с соцфака. Как говорится, из двух зол выбирай меньшее, потому что Пашка подложил мне такую свинью!

Все началось с того, что в среду после занятий друг выловил меня в университетской столовой и негромко проговорил:

– Есть к тебе разговор на миллион.

– Деньги на бочку, – не глядя на Пашу, сразу потребовала я, стоя с подносом в руках, на котором были два круассана и крепкий кофе без сливок, и выискивая свободный столик.

– Вон, у окна освободился, – услужливо подтолкнул меня Пашка.

– Ай! Павлюченко! Вот дурак! Кофе разолью...

Вдвоем мы отправились к столику у окна. Здесь так ярко светило солнце, что я недовольно вздохнула. На стекле красовались грязные разводы от дождевой воды.

– Долгих, предупреждаю, у меня через полтора часа йога, – я демонстративно постучала по спортивным наручным часам.

– Целых полтора часа, – усмехнулся Паша.

– Ты ведь знаешь, что я все время опаздываю, – покачала я головой, впиваясь в свежий круассан.

– Короче, – не стал томить Павлик, – ты помнишь Ульяну Шацкую?

Я закашлялась. С чего бы мне позабыть своего врага номер один? Мы только сегодня утром столкнулись с ней у расписания. Шацкая будто невзначай наступила мне на ногу. Да так больно, что я чуть не взвыла. Своим милым каблучком-рюмочкой. Наша миленькая правильная девочка...

– Ай! Нельзя ли поаккуратней? – прошипела я девчонке.

– Извини! – невинно захлопала голубыми ясными глазками Шацкая. – Не сразу тебя заметила. Алина, кажется?

Ну какая же стерва! Ведь мы учились в одной школе. Только в параллельных классах... Всегда делает вид, будто не помнит мое имя.

– Алевтина! – проворчала я, толкнув ее плечом.

– Ты чего? – охнула Ульяна.

А вот ничего! Терпеть ее не могу. Всю свою школьную жизнь только и слышала от учителей: «Ульяночка Шацкая из «А» класса ну такая замечательная девочка! Отличница, спортсменка... и просто красавица!» А какая отзывчивая! Всех уличных котят домой перетаскала. Когда и моя мама дома нахваливала Улю, у меня от злости пар из ушей валил. Как оказалось, она работала вместе с матерью Ульяны, и та ей докладывала новости о своей доченьке.

– У Шацких Ульяна каждую субботу делает генеральную уборку, – как бы между делом сообщала мне мама. Всякий раз в тот момент, когда я усаживалась за ноутбук, чтобы по-

рубиться в игру.

– Ага, – рассеянно отвечала я, натягивая наушники.

– У Шацких Ульяна каждое утро мусор выносит.

– Ага! – опаздывая в школу, злилась я, перешагивая через услужливо оставленный мамой пакет с мусором у двери.

– У Шацких Ульяна занимается балетом...

И так до бесконечности! Мясо не ест, мех не носит, спорт любит, с детишками соседскими нянчится, конкурс красоты выигрывает, клубнику в саду выращивает... Как кот Матроскин: «Подумаешь, я еще и вышивать могу... и на машинке тоже».

«У Шацких Ульяна» да «у Шацких Ульяна»... Эта «ушастая Ульяна», дочь маминой подруги, мне за годы учебы поперек горла встала. А самое ужасное во всем этом, что Уля будто не подозревала о моем существовании. Вряд ли ее маман каждое утро назидательным тоном говорила: «А вот у Ковалевых Полиночка в выходные спит до обеда и вечно жует у компьютера. Да-да! И еще еду в постель тащит, да так, что все вокруг в крошках... Опаздывает на занятия, перебывается с тройки на тройку, которую неделю ленится разобрать свой платяной шкаф, прогуливает физкультуру и чипсы любит. Особенно с зеленью и сметаной... Учись!» Ну ужас же! Конечно, хвалить меня особо не за что.

Наши враги делают нас лучше. Что ж, в чем-то это и сработало. Конечно, балет я не потянула, но вот йогу искренне полюбила. А записалась я на нее лишь потому, что «у Шац-

кой Ульяны» такая осанка... Словно прекрасный черный лебедь она плыла по школьным коридорам. А потом той же лебедкой перелетела и в наш славный универ. Уезжая из родного курортного городка, я и подумать не могла, что судьба снова сведет меня с Шацкой. Но мы поступили в один университет. И деканаты наших факультетов находились на одном этаже.

– Широкая, что ли? – толкаясь у расписания, спросила я.

– У тебя проблемы с воспитанием, Алевтина! – заключила

Уля, ничуть мне не уступая.

Моему внутреннему возмущению не было предела. Как она смеет? Ну погоди, подруга! И когда Пашка поинтересовался у меня насчет Ульяны, я заметно напряглась:

– Как ты сказал? Ушацкая?

– Я сказал Шацкая, – поморщился Пашка, потянувшись за круассаном. – Поля, не придуривайся!

– Ну припоминаю такую, – вздохнула я. – В нашей школе училась. А в чем дело?

Пашка ответил с очень серьезным видом:

– Понимаешь, мы в эти выходные в клуб закатились с пацанами...

– Ну? – нетерпеливо перебила я.

– Что «ну»? – удивился Паша. – Там Ульяна была с подругами.

– Ну? – снова воскликнула я.

– Что ты меня перебиваешь? – рассердился Пашка. – Пар-

ни к ним подкатили и за наш столик пригласили... Ну?

– Ну! – подтвердила я.

– Тусовка, если честно, была так себе, – продолжил Паша. – А я весь вечер Ульяной любовался. И знаешь, Поля, я понял, что эта девчонка – то, что мне нужно. Несколько дней только о ней и думаю.

– Да ладно, – разочарованно проговорила я. Аппетит, если честно, совсем пропал, и я великодушно предложила: – Можешь доесть мой круассан.

– О, серьезно? – обрадовался Паша. И сразу же потянулся за выпечкой. Почему у парней все так просто? Никаких душевных переживаний! Или это только со стороны так кажется?

Настроение было на нуле. Я устала в заляпанное огромное окно, мимо которого туда-сюда шныряли студенты. После недавно прошедшего дождя черный асфальт блестел от солнца. В глубоких мутных лужах отражались вечерние лучи. Пашка влюбился в моего врага, скоро экзамены, у меня еще долг за второй курс висит... Совсем грустно. Превратиться бы в лужу и разлиться по асфальту, чтобы меня все обходили стороной и никто никогда не трогал...

– Пришел к решению, что мне нужны серьезные отношения, – огорошил меня Пашка.

Я удивленно на него посмотрела. К решению он пришел...
Архимед.

– С этой Ушацкой?

– С ней, – кивнул Паша.

Вот и все. Сначала стало жарко. Потом я озябла. Сердце жалобно заняло. А если мне и самой в унисон ему разрыдаться в шумной столовой?

– Ну и пожалуйста! – даже не попытавшись скрыть злость в голосе, проговорила я. – Мне-то зачем докладывать?

– Тут одна проблемка есть, – неуверенно начал Пашка, – понимаешь, я ей вроде как совсем не нравлюсь.

Долгих выглядел озадаченным. Я, пытаясь скрыть грусть, наигранно рассмеялась. Как злодей в мультфильме.

– Рано или поздно это должно было произойти. Нельзя всем нравиться, это нормально. Расслабься!

– Нет уж! – запротестовал Пашка. – Я к такому не привык. Обычно девушки...

– Ой, это, кстати, в репертуаре Шацкой! – перебив друга, начала ворчать я. – Забудь свое «обычно девушки». Уля ведь у нас не такая, как все... Идеальная. Голубоглазый холодный ангел, куда деваться.

Я прикусила язык. Но Пашка уже внимательно рассматривал меня:

– Ты ее знаешь близко?

– Наши мамы вместе работают, – призналась я, – слышана я о твоей дорогой Ульяне.

– Ковалева, тогда тебе сам бог велел мне помочь, – обрадовался Паша.

– Что? – задохнулась я от возмущения. – Никто мне ни-

чего не велел. Вот еще! Сам со своим бабьем разбирайся.

– Поликарп, ну ты чего так сердишься? – рассмеялся Пашка.

– Сам ты карп! – не могла успокоиться я, от злости елозя на стуле. Как представила себе эту новоявленную парочку, так перед глазами все поплыло. – И вообще, с какой стати я должна тебе помогать завоевать какую-то голубоглазую пигалицу?

Пашка наклонился ко мне и поманил пальцем. Я, заинтересовавшись, подалась вперед.

– Есть у меня предложение, от которого ты не сможешь отказаться.

Глава вторая

– Ну-ка? – затаив дыхание, проговорила я. Что, интересно, он мне может предложить? Научную работу, которую я задолжала со второго курса? Было бы неплохо!

– Буравчик! – торжественно произнес Паша.

– Что? – Мое лицо вытянулось от разочарования.

– Герман Буравин, – начал объяснять мне Паша, – мой кореш по команде. Ты же от него была без ума.

– Ну так уж и без ума, – вяло откликнулась я, – скажешь тоже.

– Ты поможешь мне с Ульяной, а я сосватаю тебя Буравчику.

– Сваха нашлась, – проворчала я. Не нравился мне никогда никакой Буравчик. Глупости! Он же совсем... тук-тук! Сиди, я сам открою.

– А что? – довольным голосом продолжал Пашка. – Будем парочками гулять.

Парочками? От такого предложения хотелось улететь на Луну.

– Герман – парень неплохой. Добрый, веселый. И я помню, как ты говорила, что Буравин тебе очень нравится. – Пашка внезапно накрыл мою руку своей ладонью. И как это обычно бывает – пульс где-то затерялся на мгновение от счастья. Друг заглянул мне в глаза и проговорил: – Пора дей-

ствовать. Ты заслуживаешь счастья, Поля.

Губы мои уже дрогнули, чтобы сознаться во всем. Хотя это так сложно. Сказать ему: «Ты прав, Паша. Пора! Я... тебя... лю...» Только подумла об этом – во рту пересохло. А вдруг оттолкнет? Боюсь. Ай, к черту все... Но Пашка убрал свою руку и беспечно произнес:

– И я заслуживаю счастья. Уля такая холодная, неприступная... И это так заводит. Моя Белоснежка.

– Господи, избавь меня! – воскликнула я, поморщившись.

– Шацкая и Буравчик – наша судьба, – заключил Пашка.

От ужаса я готова была заползти под стол и никогда оттуда не вылезать. И в самом страшном кошмаре такое не могло присниться.

Вспомнила тот день, когда впервые хотела признаться Паше в своих чувствах. Это было в прошлом году, летом после второго курса. Я накатала длинное письмо, в котором подробно расписала, что чувствую к лучшему другу. А еще купила в книжном красивый конверт-открытку с яркими красными сердцами. Черным жирным маркером подписала: «От Полины Ковалевой», чтобы Паша сразу понял серьезность моих намерений. Сказать обо всем в лоб сложно, а вот оставить послание...

Пашка в то время вместе с приятелями готовился к предстоящим соревнованиям по серфингу. Я пробралась в небольшое помещение, где находилась раздевалка, чтобы оставить свое письмо в сумке Долгих. Из-за обилия разбро-

санных по комнате вещей и рюкзаков совсем растерялась. А когда из открытого окна сквозь шелест волн донеслись мужские голоса и смех, совсем в панику ударилась. В первую попавшуюся сумку признание в любви не всунешь (вдруг не тому подброшу?), а быть застуканной в раздевалке ребят – та еще перспектива.

Я не нашла ничего разумнее, чем вылезть в окно – слава богу, первый этаж. Вторую ногу над подоконником занесла как раз под скрип двери. Хохот парней резко стих, а за моей спиной раздался растерянный Пашкин голос:

– Ковалева?

Я, не оборачиваясь, сиганула вниз, взмахнув на прощание собранным на макушке высоким хвостом. Приземлилась на песок и со скоростью света понеслась по пустому утреннему пляжу.

– Полина! – кричал вслед Пашка, который выпрыгнул вслед за мной из окна.

Бежать дальше было бессмысленно, все равно Долгих догонит в два счета. Я притормозила и резко обернулась.

– Ну чего тебе? – раздраженно воскликнула я, будто Пашка отвлекал меня от чего-то важного, например от позорного побега из мужской раздевалки.

Я уставилась на друга. На Пашке был черный гидрокостюм, который подчеркивал его идеальную фигуру, влажные волосы взъерошены, капли морской воды стекают по загорелым скулам. Долгих смотрел на меня, щурясь от утренних

лучей.

– Ты чего у нас шныряла? – задал вопрос Пашка, сверкнув белоснежной улыбкой.

– Я не шныряла! – Позабыв о конверте, я сложила руки на груди.

– Что там у тебя? – тут же заметил послание Паша.

– Ничего! – от охватившего меня ужаса заверещала я, спрятала конверт за спину и отскочила назад.

– Ай, да ладно! – захохотал Пашка, протянув ко мне руки. – Полианна, покажи? Сердечки какие-то...

Я продолжала скакать по пляжу, пряча конверт. Паша поймал меня и зачем-то повалил на песок. Наверное, для того чтобы дезориентировать.

– Ну покажи! Покажи! – Пашка хрипло смеялся над ухом, а сердце мое стучало так громко, что я даже не слышала шума волн. – Чего ты так испугалась?

– Отпусти меня! – жалобно просила я, смущаясь от прикосновений Паши, который прижимался ко мне всем телом. В воздухе вдруг стало меньше кислорода.

– Расскажи, что делала в нашей раздевалке?

Я осмелилась поднять на друга глаза. Пашка сиял, радуясь непонятно чему. А я тут же сурово сдвинула брови к переносице:

– Хорошо-хорошо! Там любовное послание. Доволен?

– Я так и понял, – продолжал улыбаться Паша. – А для кого?

Я молчала. И в этой напряженной тишине волны загрохотали еще громче. Каждый новый всплеск ударял по нервам. Паша внимательно смотрел на меня, и улыбка сползала с его лица. А зеленые глаза вдруг стали совсем темными, словно тенистые тропические джунгли.

– Полина! – почему-то шепотом позвал Долгих.

Выражение его лица мне совсем не понравилось, поэтому я негромко и сбивчиво начала:

– Есть у вас в команде такой парень... – Почему-то в голову в тот момент пришел именно Герман Буравин, который в нашем городке пользовался успехом у девчонок, но был тупой как пробка. – Светленький, голубоглазый...

– Буравчик, что ли? – с облегчением выдохнул Пашка, а затем рассмеялся: – Я мог сразу догадаться, он многим нравится. Но, если честно, не думал, что и ты на его смазливую морду клонешь.

– Как видишь, – виновато улыбнулась я, – может, теперь ты с меня слезешь?

Пашка быстро вскочил на ноги и протянул мне руку. Помог подняться с песка.

– Давай сюда свое письмо, – сказал Пашка. – Я передам.

– Кому? Буравчику вашему? – перепугалась я. Уже и не рада была, что все это затеяла.

– Ну а кому еще?

– Нетушки! – замотала я головой. – Забудь. Я передумала! Это было плохой идеей.

Паша, глядя на меня, не переставал улыбаться.

– Ты такая забавная, – проговорил со смехом он. – Так смущаешься...

Знал бы он, почему я смущаюсь. Щеки от нашей внезапной близости до сих пор горели.

– Если скажешь своему приятелю, что я к нему чувствую, тебе не жить, – серьезно предупредила я. – Сделаем вид, что ничего не было.

Мы молча направились вдоль берега. Пашка положил мне руку на плечо. Торопливые волны с шумом подкатывали к ногам. Я, осмелившись, обняла друга за талию. Долгих посмотрел на меня сверху вниз и усмехнулся.

– Признаться, ты меня напугала, – тихо сказал он.

– О чем ты? – тут же насторожилась я.

– Если честно, сначала решил, что это письмо предназначалось мне.

Я пару секунд молчала, не зная, что ответить.

– И... если бы это было на самом деле так? – не поднимая головы, спросила я, глядя на белую пену, которая оставалась на мокром темном песке.

– Глупости, – негромко и даже как-то нервно рассмеялся Пашка, – я подумал в ту минуту: «Неужели она готова все испортить?»

– Испортить? – напряглась я.

– Конечно! И я рад, что героем твоего романа оказался Буравин.

– Вот как... – глухо отозвалась я.

– Ага, – Пашка крепче прижал меня к себе. – Ты очень дорога мне в качестве друга. Стань мы парой, еще неизвестно, к чему бы это привело. Ты слышишь меня, Полина?

Я с отсутствующим видом уставилась на рыжее утреннее солнце, которое выглядывало из-за горизонта...

– Ау, Поля! Ты меня слышишь? – снова донесся голос Пашки.

Я вздрогнула и взглянула на друга. Долгих уже дожевывал мой круассан.

– Кофейку еще хлебну? – спросил он.

– Да, конечно, – растерянно проговорила я. – На чем мы остановились?

– Шацкая и Буравчик – наша судьба.

Будто слева между ребер мне воткнули тонкую острую спицу.

– Ах, ну да.

Я внимательно смотрела на Пашу. Что ж, последняя попытка образумить этого человека.

– Слышала, что Ульяна – занятая девушка! – выпалила я.

– Разве? – удивился Пашка.

– Да! – Я сделала невозмутимое лицо. – В последний приезд домой мама что-то рассказывала о Шацкой и ее бойфренде. Вроде там все серьезно. Дело до помолвки дошло.

– Вот как? – озадаченно спросил Паша.

– Угу, – кивнула я, – и жених у нее еще какой-то чемпион

Европы... или мира по кикбоксингу. Страшный человек! – решила я припугнуть друга.

– А может, он завоевал титул «Мистер Вселенная»? – к моему удивлению, ничуть не испугался Пашка. Наоборот, только развеселился. – Ты такая болтушка, Ковалева. Нет у Ульяны никого. Я у подруг ее в клубе спрашивал. Так что ни о какой помолвке и речи нет.

– Ого! Поссорились, что ли? – не слишком искренне удивилась я. – А такая любовь была...

Я осуждающе покачала головой. Пашка гипнотизировал меня взглядом. Я невозмутимо отпила кофе, при этом громко причмокнув.

– Короче, Ковалева! – рассердился Паша. – Отвечай: будешь помогать мне или нет?

«Пфф, конечно нет!» – закричал мой внутренний голос.

– Буду! – неожиданно для самой себя ответила я.

Внутренний голос тяжело вздохнул и сделал ручкой. Адьес!

– Отлично, – обрадовался Паша. – Я в тебе не сомневался. Твоя йога... Ты не опоздаешь?

Я вскочила на ноги, не допив кофе. О чем речь? Конечно же, я опоздаю.

– Вечером споемся или созвонимся! – выкрикнула я Пашке, направляясь к выходу.

После грозы свежий запах озона совсем вскружил голову. «Или на тебя так крепкий кофе без сливок подействовал?

«Что ты творишь?» – спросил вернувшийся внутренний голос. Долго он на меня дуться не умеет. Я вместо ответа, щурясь от выглянувшего из-за сизых туч солнца, сделала глубокий вдох. Вы-ы-ыдох. Спокойнее, Полина... Дыши! Дыши! В моей голове уже зрел план. И, как мне тогда казалось, был он просто гениальным.

Я помогу тебе, Пашенька. Так помогу, что мало не покажется. Это же такая возможность убить сразу двух зайцев. Подставлю выскочку Шацкую и докажу Пашке, что никто ему не подходит больше, чем я. Долгих прав. Пора действовать. И счастье – оно так близко. Паша даже не представляет насколько... В студенческом кафе за одним столом можно было вытянуть руку и потрогать свое счастье за нос. От одной мысли, что у меня все непременно получится, я повеселела и быстрым шагом направилась вдоль мокрой тополиной аллеи. Дерзай, Ковалева!

* * *

Спустя пару дней мой энтузиазм потихоньку сдулся, как воздушный шар. Вечером после йоги единственное, чего мне хотелось, – устало сползти по стеночке на пол. Я отнесла сумку с формой в комнату и зашла в просторную кухню. Обычно в пятницу никого из Смирновых не бывает дома. Сразу после работы они отправляются на дачу и остаются там на выходные. Если честно, я так ждала весны и начала дачного

сезона, чтобы побыть в квартире одной.

Смирновы – мои соседи, которые занимают две комнаты из трех. Обычная семья: муж, жена и их двенадцатилетний сын Гоша. Последний – сущее наказание. Не знаю, почему так получилось, но мы сразу невзлюбили друг друга. Хотя, казалось бы, что делить подростку и великовозрастной девице? Но этот сопляк постоянно строил мне козни. То зубную пасту водой зальет, то сумку спрячет, то все йогурты в холодильнике сожрет. «Возраст у него такой. Трудный!» – вздыхала Елена Петровна, Гошкина мама. Лично мне на его возраст плевать. У меня он тоже не из легких. Однако я морские узлы на шнурках чужих кед не завязываю.

Характер у меня, что ли, такой скверный – врагов себе наживать? Не то что лапочка Шацкая. У той много подруг и приятелей, Шацкую все любят.

Я открыла холодильник и тяжело вздохнула. Моя полка была пустой. Даже последнее яблоко этот гад Гошка слопал. Еще и Ульяну так некстати вспомнила. Паша своей увлеченностью Шацкой настроение на несколько дней испортил.

Ульяна – она же такая... изящная, воздушная. С темно-каштановыми волосами и светлой кожей с еле заметными веснушками. Верно ее Паша Белоснежкой назвал. А ее глаза? Голубые и чистые, как горное озеро. На такую грех не залюбоваться. Ну а я что? Худая как щепка, смуглая, глаза карие – таких пруд пруди, никакой индивидуальности.

Я поставила чайник и стянула из вазочки Смирновых па-

рочку пряников, потом возьму ущерб. Оставлю, например, шоколадку. Знаю, что Елена Петровна любит молочный.

Налила чай и уселась за стол. На улице уже стемнело. Тишина... Я гипнотизировала свое задумчивое жующее отражение в окне. Вечер пятницы, а мне даже податься некуда. Как обычно, ужинаю в одиночку. И чем? Ворованными пряниками.

Конечно, можно было навязаться в компанию Пашки и его приятелей, подруг-то у меня нет. С девчонками у меня никогда отношения не складывались, но почему-то это мало волновало.

Скорее бы расквитаться со всеми экзаменами и рвануть в родной город. Туда, где море, белье на веревках в тенистых дворах, белая штукатурка на домах, наш любимый пирс... Это так естественно и привычно: выбираться каждое утро на дикий пляж и купаться, бросив вещи под кустами. Гулять по тихим светлым переулкам, а вечерами провожать солнце за горизонт.

Мои мысли прервал телефонный звонок. Я потянулась за смартфоном.

– Да, Паштет!

– Привет, Полином! – бодро отозвался Пашка. – Ты дома?

– Угу. Недавно вернулась.

– Я тут недалеко от тебя. Сейчас забегу.

– Беги, – растерялась я. Что, интересно, ему нужно на ночь глядя?

Друг зашел спустя десять минут.

– Смирновы дома? – спросил Пашка.

– Не-а, на даче. Только завтра вечером вернутся. Проходи!

Долгих сразу перешел к делу:

– А пожрать есть?

Я только горько вздохнула:

– Пиццу можем заказать.

– Сойдет, – деловито кивнул Пашка, разуваясь.

Зайдя в комнату, друг тут же развалился на моем диване. Я осторожно присела на краешек стула и вопросительно кивнула:

– Чего притащился-то?

– Очень ты гостеприимный, Аполлинарий, – укоризненно покачал головой Паша. – Дело к тебе есть. Вернее, к твоему соседу.

Пашка уткнулся в телефон, заказывая пиццу.

– К Олегу Владимировичу? – растерялась я.

– К Георгию Олеговичу, – хмыкнул Пашка.

– Какие с этой мелюзгой дела могут быть? – удивилась я.

– Тебе, как обычно, сырную?

– Ага.

Паша лежал на моем диване, в одной руке держа телефон, а вторую руку закинув за голову. Пока он продолжал пялиться в экран, я привычно разглядывала его. Красивый, с взъерошенными темными волосами, зелеными глазами и

самой очаровательной на свете улыбкой. Высокий, сильный, добрый, обаятельный, такой дурной, родной, мой... Вернее, моим будет.

– А где Поля-младшая? – нарушил тишину Пашка.

– Ползает где-то, – поморщилась я.

– Ищи скорее мою любимицу, – потребовал друг.

Я встала на четвереньки и начала исследовать свою небольшую комнату. Поля-младшая – моя сухопутная черепаха. Вообще-то на самом деле ее зовут Изабелла (ага, в честь распитого в день покупки черепахи вина). Животинку мы приобрели с Пашей у сухонькой старушки возле перехода. Возвращались рано утром из клуба, где отмечали окончание первого курса. Тогда бабуля дрожащей рукой протянула нам коробку с черепахой.

– Будет вам лучшим другом, детишки, – сказала она. Пашка, как самая главная высокорослая «детишка», первым посмотрел, кто в коробке.

– Думал, там щенок, – разочарованно произнес друг. Будто бы ему в съемной квартире разрешили бы завести собаку. Вообще-то и моя хозяйка запретила заселяться с домашними животными, но это же...

– Черепашка? – заглянула и я внутрь.

– Будет другом, – негромко повторила пожилая женщина. Я посмотрела на Долгих.

– Был бы щенок, – снова произнес Пашка, равнодушно пожав плечами. Дался ему этот щенок! – А от черепахи ка-

кой толк?

Это у Пашки друзей много. А мне разве новый приятель лишним будет?

– Паш, у меня деньги закончились, – тихо сказала я. В ту ночь я славно спустила все карманные. – С собой больше нет.

– Хочешь черепаху? – удивился друг.

Закивала:

– Я тебе верну!

– Да ладно, не надо возвращать, – проговорил Паша, доставая из заднего кармана джинсов бумажник. – Дарю.

Долгих протянул старушке крупную купюру.

– А мелочь нет? – расстроилась пожилая женщина. – Где же я с самого утра разменяю?

– Держите-держите, – Пашка вложил купюру ей в руку. Взял коробку с черепахой и протянул мне. Я тут же прижала презент к груди. Уже дома долго не могла дозвониться до Паши, чтобы еще раз его поблагодарить. Оказалось, что Долгих за черепаху отдал последние деньги и, проводив меня до подъезда, к своему дому тащился пешком в соседний район. А телефон разрядился по дороге.

С тех пор Изабелла проживала со мной в одной комнате. Мы с ней действительно сдружились. Может, потому, что это подарок Пашки, но к черепахе я прикипела. И перед сном обязательно рассказывала ей, как прошел мой день. Со стороны это глупо выглядит, наверное. Но наши беседы (точнее, мои монологи) вошли в привычку. Ну а Полей-младшей

черепаху Паша назвал, потому что я такая же медленная, по его мнению, и опаздываю везде.

Я достала из-под стола черепаху и протянула Пашке. Изабелла тут же втянула в панцирь голову и все свои конечно-сти.

– Так для чего тебе мелкий понадобился? – спросила я, вспомнив, что до этого мы говорили о Гошке.

– Мы тут на днях твоего Буравчика обсуждали... – начал Паша.

Я только вздохнула:

– Моего! Как же.

– Да не переживай ты, – расценил по-своему мои охи-вздохи Паша, отпуская черепаху обратно на пол. – Скоро будет твоим.

Нужно ли мне такое счастье?

– Я и не переживаю, – промямлила я.

– Вспомнил, как ты хотела Буравину письмо оставить. Знаешь, а это неплохая идея была. Можно отправить Уле цветы и записку. Как думаешь, Полин? От поклонника...

Пашка уставился в потолок и заулыбался. Неужели себя рядом с Улей представляет? Поклонник, куда деваться.

– А Гошка зачем? – не врубалась я.

– Служба доставки – это скучно, – поморщился Пашка. – А твой сосед – вылитый белокурый ангелочек. Может, какой трогательный стишок расскажет. Девчонки ведь любят детей?

Искренне пожала плечами. Не знаю, что там и как другие девчонки, а я из Гошки всю душу вытрясти готова.

– У тебя, кстати, как с ним отношения?

Кажется, пару раз я жаловалась Паше на своего несносного соседа, но он не придал моим словам особого значения.

– Мы с Гошей большие друзья, – без энтузиазма отозвалась я.

Наверное, мелюзгу можно использовать в своих коварных целях. Лягушку, что ли, Шацкой подбросить в коробке от поклонника? Придется наладить с Гошей отношения. А как? Еще одна проблема. Мороженого ему купить?

– Отлично! – обрадовался Паша. – Значит, тебе первое задание – узнать, какие цветы любит Ульяна.

– Стоп-стоп-стоп! – закричала я. – Как я это узнаю?

– Поболтаешь с ней, – ответил Пашка. – То да се... Ваши мамки ведь дружат?

– Они вместе работают, – поправила я. – А вот я с твоей Шацкой ненаглядной даже ни разу не общалась толком.

Наши рычания у расписания – не в счет.

– Ну подружисься, вот проблема-то. – Ответ Паши меня обескуражил. – У вас, девчонок, все просто: обсудите, кто губы накачал, кто родить успел...

Я фыркнула:

– Ты прямо знаток женщин. Проблем у него нет, чтобы подружиться.

Я продолжила бы возмущаться, но в этот момент в дверь

позвонили. Приняв от курьера две коробки с горячими пиццами, мы перебрались на кухню. Распахнули настежь окно. Чтобы в квартиру не летела мошкара, погасили основной свет и зажгли небольшой светильник над кухонным столом. Я принесла из своей комнаты пару свечей, Пашка полез в карман за зажигалкой. Ну чем не романтический вечер? Потянулась за своей любимой сырной пиццей и в этот момент почувствовала такое спокойствие и счастье... А потом Пашка произнес:

– Я тут разузнал побольше об Ульяне. Она, конечно, невероятная девушка.

– Конечно, – с самым кислым видом согласилась я.

– Тебе не нравится пицца? – заметив мое недовольное выражение лица, спросил Паша.

– Пицца просто замечательная, – сказала я, зажевав активнее. Захотелось брезгливо добавить: «Мне не нравится твоя Ульяна!»

– В воскресенье к нам присоединится Буравчик, – продолжил Пашка.

– Что? Как? Уже? – почему-то запаниковала я. – Он в городе?

– Конечно, в городе, – удивился моей реакции Пашка. – Он учится здесь в политехе. Что ты так всполошилась? Ты точно ему понравишься. Стройные брюнетки в его вкусе.

Ага, да как же!

– Все вместе запишемся в секцию, которую посещает

Ульяна.

Час от часу не легче! Насколько мне не изменяет память, Шацкая у нас балерина недоделанная. Мы запишемся на балет? Представив себе Пашку и Буравчика в пачках и белых колготках, я негромко засмеялась.

– Ты чего? – озадаченно спросил Пашка.

– Ой! – хрюкнула я от смеха. – Представила себе просто... Смешно!

– Что смешного в боксе?

– В боксе? – тут же озадачилась я. – Уля занимается еще и боксом? Я думала, балетом.

– Она и балетом занимается, – кивнул Паша. Конечно, наш пострел везде поспел. И швец, и жнец, и на дуде игрец... С этой Шацкой все пословицы и поговорки переберешь.

Действительно, почему бы Ульяне и на ринг после сцены не выйти?

– Не пойдем же мы с Буравиным на танцы, – продолжил рассуждать Долгих.

– Но я не хочу боксировать, – запротестовала я. Воображение тут же нарисовало мой портрет с подбитым глазом. – Я вообще против драк.

– Мы придем на одно пробное занятие, чтобы подружиться с Улей, – успокоил меня Пашка. – Сейчас лекций практически нет, одни консультации. Где ты прикажешь мне ее вылавливать?

Сказала бы я где... А серьезно Пашка за дело взялся. Зна-

чит, сильно его Шацкая зацепила.

– Слушай, Ковалева, а есть что-нибудь холодненькое попить? – спросил Паша.

Конкретно у меня ничего подходящего не было. Но я, занятая своими мрачными мыслями, словно робот, поднялась из-за стола и направилась к холодильнику.

– Газированный квас, – протянула я пластиковую бутылку парню.

– То что нужно, – обрадовался Пашка. А затем озадаченно произнес: – Правда, тут записка: «Не трогать! Мое! Убью! Не шучу!»

– А! – я махнула рукой. – Да это Гошки-говеш... Георгия Олеговича то есть. У нас с ним такие классные отношения, он поймет, простит и не будет сердиться.

Как я «простила» его за съеденное яблоко...

Пашка жадно пил квас прямо из горлышка, поглядывая при этом на меня. Я тоже не отводила от друга внимательно-го взгляда. Танцующее пламя свечи озаряло красивое лицо Долгих. И время снова замерло. Но счастье в моем случае – штука мимолетная и хрупкая. Одно упоминание о сопернице – и... дзынь! А сейчас мне нравилось сидеть напротив и просто молчать.

Утолив жажду, Паша поставил бутылку на стол и, подперев голову, еще пару секунд смотрел на меня. А потом негромко сказал:

– Спасибо тебе, Поля.

- За что? За квас? – тихо спросила я.
- За то, что согласилась помочь.
- А для чего еще нужны друзья? – улыбнулась я.

Глава третья

В воскресенье я снова опаздывала. Слишком долго собиралась. Но на сей раз у меня была очень уважительная причина – я должна предстать перед Германом Буравиным, нашим донжуаном, во всей своей красе. А если Пашка приревнует? К Степе он, конечно, не ревновал. Но мы практически тогда и не пересекались, тусуясь в разных компаниях. А тут как увидит меня, такую красотку, потом заметит заинтересованный взгляд Буравчика да скажет, как в старом мультфильме: «Ну уж нет! Такая корова нужна самому...»

На кухне было отличное освещение, поэтому я притащила туда зеркало и большую косметичку. Откуда взялись все эти банки-склянки, я, если честно, даже не помнила. Есть у меня привычка такая дурная – скупать в магазине все подряд, особенно если товары по акции. Каждый раз, когда приходит sms-оповещение, что в парфюмерном скидки, я тут же несусь сломя голову на распродажу, хотя я почти никогда не крашусь.

На кухню в забавной пижаме с супергероями зашел заспанный Гошка. Смирновы вернулись домой поздно вечером в субботу. Жаловались, что на даче отключили электричество. Долгое время сосед наблюдал, как я старательно крашу глаза тушью, а потом спросил:

– Зачем ты открываешь рот? Муха залетит.

Я промолчала, но рот захлопнула. Сердито посмотрела на Гошку. Мальчишка продолжил:

– Стоило на сутки на дачу умотать, продукты пропали. Кто выпил мой квас?

– Кто тебя не боится, – не слишком довольна ответила я, – нечего яблоки чужие пожирать, как садовая гусеница.

Потом я прикинула, что с Гошей все-таки лучше дружить, ведь я обещала Пашке сделать из соседа посыльного. Но у мальчишки, видимо, было хорошее настроение, потому что он пропустил колкости мимо ушей и сел за стол напротив меня.

– Как тебе макияж? – спросила я, прикрыв оба глаза и зачем-то подняв брови.

– Для чего тебе краситься в воскресенье с самого утра?

– Сегодня я должна выглядеть на все сто, – ответила я, потянувшись за карандашом для губ.

Нанеся макияж, принялась рассматривать себя в зеркале. Признаться, немного расстроилась. Получилось не так, как я представляла.

– Макияж меня старит, – пробормотала я себе под нос.

– Ты ведь хотела выглядеть на все сто, – подал ехидный голос Гошка, – лет на шестьдесят пять точно получилось.

– Иди уроки на завтра делай! – сурово проговорила я, намекая, что не стоит влезать в дела взрослых.

– Конец мая. У нас уже каникулы начались.

– Тогда мультики посмотри, – хмыкнула я.

– А ты не хмурься так, еще больше морщин будет. Урюк!

Я запустила в Гошу упаковку с ватными дисками и со всем пригорюнилась. Вела бы перепалку с двенадцатилеткой Ульяна? Разумеется, нет. Это только я такими глупостями занимаюсь.

Когда подходила к парку, где мы договорились встретиться с ребятами, сердце уже привычно сделало кульбит. Теплый ветерок раздувал белую юбку, которую я придерживала руками. Пашка и Буравин уставились на меня, дожидаясь, когда к ним доковыляю. Старалась вышагивать как можно беспечнее. Легко, держа осанку. Слава богу, не запнулась. Подошла к парням и лучезарно улыбнулась:

– Приветик! Прошу прощения, немного задержалась.

– Я уже предупредил Германа, что ты вечно опаздываешь, – проговорил Пашка. Ну это можно было и не сообщать. Паша хотел помочь завоевать Буравчика, а не отпугнуть его от меня.

Я уставилась на Буравина. Впервые видела этого парня так близко. Обычно, когда приходила на пляж поглазеть на соревнования по серфингу, на Германа не пялилась. Мне он никогда не был интересен. Симпатичный, конечно. Еще и лето не началось, а он с выгоревшими на солнце светлыми волосами. Синие джинсы, клетчатая рубашка... В принципе понятно, почему девчонки на него вешаются. Смазливый, подтянутый. Может, плюнуть на Долгих и с Германом закрутить роман? Шучу. Как только Буравчик открыл рот, я по-

няла, что мы точно не подружимся.

– Это – Полина, это – Герман, – официально представил нас друг другу Паша.

– Привет, крошка, – нагло усмехнулся блондин.

– У-у-у, брат, зря ты с этого начал, – засмеялся Пашка, с интересом поглядывая на меня.

– Какая я тебе крошка? – тут же насупилась я.

– Хлебная, – невозмутимо подсказал Паша, пока Буравчик продолжал жадно рассматривать мои голые ноги. Мне захотелось прикрыть их чем-нибудь, поэтому я выставила перед собой спортивную сумку, в которой лежала форма. – Ковалева, а ты куда так вырядилась? Мы на бокс идем записываться, а не на конкурс «Мисс Университет».

Хотелось бы мне ответить, что я всегда так выгляжу – с иголки. Ан нет! Кому как не Пашке знать, что обычно на встречу я прибегаю растрепанная и взмыленная, словно загнанный конь на скачках.

Мне надоело, что Герман так откровенно пялится, поэтому я резко потянулась к блондину и нажала ему указательным пальцем на нос. От неожиданности Буравин отпрянул. Пашка захохотал.

– Бип! – сказала я. – Чего застыл?

– Покорен твоей красотой и длинными ногами, куколка, – усмехнувшись, ответил Герман. Сколько ж у него в запасе раздражающих меня обращений?

– Пуколка, – ответила я, – идем на тренировку записы-

ваться, чего встали?

Я первой двинулась по аллее парка. Миновала несколько свежевыкрашенных белых скамеек.

– Seriously, это все ради Буравчика? – догнав меня, горячо шепнул на ухо Пашка. От неожиданности я вздрогнула.

– А ради кого еще? – кокетливо повела я плечом. – Как думаешь, ему понравилось?

Мы с Пашей обернулись и посмотрели на Германа, который немного отстал. Над нами закуковала кукушка. Буравин, остановившись возле старой липы, задрал голову и уставился на листву. Вид у него при этом был очень сосредоточенный. Ку-ку!

– Думаю, он просто в восторге, – хмыкнул Пашка. – Говорил же, ты его типаж. Я тебя сам в юбке редко вижу... Хорошо выглядишь.

О-о-о, от нежности я была готова растаять, как сладкий леденец во рту.

– Только намазалась так зря, – вернул меня с небес на землю Пашка, – Разрисовалась, как тетя Мотя. Не для спортзала.

Я надулась и обиженно произнесла:

– А Герману моему понравилось.

– Уже твоему? – с удивлением вскинул брови Пашка.

– Кто-то назвал мое имя? – тут же поспешил к нам Буравчик. – Обо мне говоришь, крохотуля?

«Крохотулю» я пропустила бы мимо ушей, если б Буравин не положил свою клешню на мое плечо.

– Не будем торопить события, Герман, – поморщилась я, скидывая руку парня.

– А чего медлить, малыш? – Буравчик притянул меня к себе и уткнулся носом в волосы. – Запах от тебя просто кайф!

Мамочки, во что я вляпалась?! Зачем Пашка мне подсунил этого непроходимого дурачину? Лучше бы за помощь в завоевании сердца Ульяны пообещал шоколадный торт. Куда более желанный презент. Я с жалобным видом глянула на Долгих, но тот, будто специально задрал голову, уставился на деревья. Мол, не буду вас смущать, воркуйте, голубки.

Буравин от меня не отклеивался, и я, словно невзначай, с силой наступила ему шпилькой на ногу. Герман охнул.

– Прости, зайчонок, – сказала я. И как можно ядовитее добавила: – Честное слово, нечаянно. При виде тебя ноги подкашиваются.

– Это да, – самодовольно отозвался Буравчик, – такое допускаю.

Я закатила глаза. С утра Гошка настроение испортил, сухофруктом обозвав, теперь этот озабоченный лезет. Еще скоро с обожаемой Шацкой встречу. За что на мою голову столько мучений? Я напомнила себе, что терплю это безобразие во имя своей большой и светлой любви. Все-таки вышла на тропу войны. Как же теперь обратно возвращаться? Вон и боевой раскрас нанесла. Лицо от тонального крема, да еще и на жаре, с непривычки чесалось.

Дойдя до здания спорткомплекса, Пашка первым взбежал

на крыльцо. Обернулся к нам и спросил:

– Ну что, вы готовы, дети?

– Да, капитан! – весело гаркнул над ухом Буравчик, толкнув меня в бок. Я чуть со шпилек не кувыркнулась. – Девушки, которые боксируют, очень заводят.

Это он мне сказал, а затем, подмигнув, нахально добавил:

– Покажешь, на что способна, детка?

– Если ты выступишь в качестве боксерской груши, то конечно, – угрюмо отозвалась я.

– У тебя острый язычок.

– А у тебя тупая голова, – негромко проговорила я. Так тихо, чтобы это услышал только Буравчик.

Герман нахмурился и возмущенно засопел:

– Этим ты меня еще больше заводишь. Я никогда не отступаю. Первое правило Буравчика! Что ты молчишь, крош?

– Боже, – пролепетала я. – Ну-ка, Копатыч, кто первый?

С этими словами я понеслась вверх по лестнице вслед за Пашкой. Схватила друга за локоть и, притянув к себе, прошипела:

– Ты зачем этого Буравчика с собой притащил?

– Как это зачем? – искренне удивился Пашка. – У нас же был договор – я обещал вас познакомить. Станный у тебя, конечно, вкус на парней. Слушай, а Степан таким же был?

Я запыхтела. А Паша насмешливо продолжил:

– Но от вас с Буравиным прямо искры летят.

– Ты слышал, что Герман сказал про девчонок, которым

нравится бокс? Сейчас втюрился в твою Улю, будешь знать, – поморщилась я. Искры... Если этот индюк еще раз меня назовет крошем, перья полетят.

– Какой там! – рассмеялся Пашка. – Буравин уже в тебя втюрился.

Я резко обернулась и посмотрела на Германа. Тот, перехватив мой сердитый взгляд, поиграл бровями. Господи! За что? Затем Буравчик догнал нас и громко поинтересовался у Пашки:

– Братан, а где здесь сортир, не знаешь?

Получив ответ, Герман схватил меня за руку:

– Дождешься меня, детка?

– Смойся! – посоветовала я.

Буравчик заржал и скрылся за поворотом. Пашка странно покосился на меня:

– Это у тебя в порядке флирта?

– Я на него зла, – ответила я.

– Из-за того, что он назвал тебя деткой?

– Да хоть дедкой! – сердилась я. – Рано начал руки распускать. Я такого не люблю, ты ведь знаешь.

– О'кей, я с ним поговорю, – пообещал Паша. – Сам, если честно, удивлен, что он так быстро в наступление пошел.

Буравчик появился возле нас спустя несколько минут.

– Сделал дело – гуляй смело, – подмигнув мне, проговорил Герман. – Второе правило Буравчика! Запоминай, пупс.

– Не припомню, чтобы в правиле речь шла об уборной, –

нашлась я. – А ты, Паша, как считаешь?

– Ага, там что-то о направлении поступательного движения... – начал Долгих, а затем резко замолчал. На лице его появилась дурацкая блаженная улыбка.

– Павлентий? – позвала я, дернув друга за рукав рубашки.

Проследила за взглядом Паши: в конце коридора появилась Ульяна.

* * *

А сама-то величава,
Выступает, будто пава;
Сладку речь-то говорит,
Будто реченька журчит...

Эти строчки всегда приходят первыми на ум, когда я вижу Шацкую.

Уля стояла недалеко у стойки администратора и, залившись смехом, о чем-то болтала с огромным качком. Я с жалобным видом посмотрела на Пашку, который продолжал любоваться Ульяной.

– Шею не сверни, – тихо посоветовала я.

– Женская раздевалка рядом с мужским сортиром, – подал голос Буравчик. Потом наклонился ко мне и шепотом спросил: – Тебя проводить, пупсик?

Герман остался равнодушным к Ульяне, и то радуется. Не все штабелями перед Шацкой падают, зато продолжил липнуть ко мне, а это проблема.

– Спасибо за такую ценную информацию. Сама найду! – ответила я сквозь зубы. Паша на время выпал из реальности. Я, тяжело вздохнув, поправила на плече ремень от спортивной сумки и двинулась в сторону раздевалок.

Переодевшись, критично осмотрела себя в зеркале. После лицемерия в коридоре лучезарной фигуристой Ульяны даже выходить в зал не хотелось. Натянуть бы короткий спортивный топ до самых пяток. Что за селедка в лосинах? Хочу грудь побольше. И попу! Попа моя где?

Я на цыпочках подкралась к двери и осторожно выглянула в коридор. Тут же нос к носу столкнулась с Буравиным.

– Давай выходи, красапета, – проговорил Герман, – хоть полюбуюсь на тебя.

После его слов еще больше захотелось стать моей Изабеллой и спрятать голову в панцирь.

– А ты чего в этой стороне забыл? Мужские раздевалки не здесь, – сердито поинтересовалась я, понизив голос. – Или опять в туалет ходил?

– Обижает! Я тебя встречаю.

– А я думала, правило Буравчика снова в действии. И я тебе не поезд Саратов – Адлер, чтобы встречать меня, – продолжила ворчать я.

– Что ты все скрипишь, как старая телега? – удивился Гер-

ман. – Расслабься, карапуз!

– Какой я тебе карапуз? – возмутилась я.

Наверное, мы с Германом устроили бы тренировку по боксу, не дойдя до зала, но к нам вовремя подоспел Пашка:

– Полин, ты готова?

– Угу! – вышла я наконец в коридор. Буравчик, окинув меня взглядом, показал два больших пальца. Я закатила глаза, а Пашка снова рассмеялся.

В зал я зашла последней, прячась за широкую спину Долгих. Уля уже стояла рядом с главным тренером недалеко от небольшого ринга. И сияла при этом, словно начищенный таз на солнце. Заметив нас, она дружелюбно кивнула. Конечно, Пашке и Герману, а не мне. «Алевтину» она даже взглядом не удостоила.

– Надеюсь, первое занятие бесплатно, – негромко проговорила я. Еще не хватало за свой позор деньги платить.

До начала разминки Шацкая подошла к нам.

– Привет! – лучезарно улыбнулась она. – Не ожидала вас здесь встретить.

– Привет! – заулыбался в ответ Пашка. – Не говори! То в клубе, то здесь... Как судьба нас сводит.

Я едва удержалась от того, чтобы громко цокнуть языком. Ага, конечно, судьба, а не «разведка мне донесла, какие секции посещает Уля...».

Раздался свисток, и я от неожиданности подпрыгнула на месте. Шацкая кокетливо помахала пальчиками и пожелала

парням удачи. Напоследок и по мне мазнула равнодушным взглядом. Какая честь!

Стало тяжело уже на разминке. Бег по залу, растяжка, прыжки со скакалкой...

– Карапуз, у тебя с дыхалкой проблемы, – насмешливо произнес Буравчик, обгоняя меня на очередном круге.

Ненавижу бегать! У меня даже не было возможности ответить Буравину, что проблемы у него... с го... с головой... бо... большие проблемы... Фух. Пот проступил на лбу. А тренер то и дело подгонял меня громкими свистками.

– Думала, мы помутузим грушу и разойдемся, – запыхавшись, пожаловалась я Пашке, когда разминка закончилась.

– Грушу? – рассеянно переспросил друг, делая глоток воды из пластиковой бутылки.

– Ага, – язвительно отозвалась я. – Фрукт такой есть.

Долгих не сводил взгляд с Ульяны, которая демонстрировала одному из новичков какой-то элемент. Я тоже посмотрела на Шацкую. На ее загорелой красивой коже блестели капельки пота. Густые темно-каштановые волосы стянуты в высокий хвост. Короткий спортивный топ бирюзового цвета так шел к глазам. И это соблазнительное декольте... По заинтересованному взгляду Пашки я поняла, что друг в восторге от увиденной картинке. Интересно, как сейчас выгляжу я? Взглянула в отражение шкафа, в котором стояли какие-то грамоты да кубки, и ужаснулась. Запыхавшийся синьор Помидор со взлохмаченными волосами. И макияж, разумеется,

потек, тушь размазалась... Еще в спарринг не встала, а уже двумя фонарями обзавелась.

– Ты нравишься мне любой, – подошел к нам Буравчик.

– Спасибо, – кисло улыбнулась я. Пикапер 80 lvl. Своими словами Герман подтвердил, что со стороны я выгляжу не ахти как.

Тренер начал показывать нам стойки. Как это запомнить? Движение рук, ног, корпуса...

– Правой!левой! Раз! Два! Резче! Девушка, резче!

Ой, это он мне. Помимо Шацкой я здесь единственная девушка. У Ульяны все так ладненько получается, а я словно ветряная мельница. Как можно одновременно и «Лебединое озеро» разучивать, и так профессионально кулаками махать? Что я тут забыла? Вот позорище. Про себя только и молила, чтобы эта первая тренировка скорее закончилась.

А потом случилось страшное. Голос тренера прогремел на весь зал:

– Встаем в пары!

– Ой! – пискнула я. – Бить будут?

– На первом занятии? – подал голос Буравчик. – Очень сомневаюсь. Но если начнут бить, кричи громче, я тебя спасу, золотиуля.

Когда меня поставили в пару с Ульяной, Пашка сказал:

– Это отличный шанс! Шепни там ей про меня пару ласковых.

Я тут же уперла руки в бока и возмущенно заговорила:

– Это как ты себе представляешь? Перед тем как меня отправят в нокаут, пробормотать: «Кстати, Пашка Долгих – крутой и веселый чувак! Сгоняй с ним на свидание!»

Почему-то мое воображение нарисовало самую ужасную картину. Я в углу ринга, с расквашенным носом, а рядом Буравчик суетится и белым полотенчиком обмахивает.

– Поля, ты такая болтушка, – рассмеялся Паша. А затем легонько подтолкнул меня в спину: – Давай-давай, Ульяна ждет. И я на тебя надеюсь.

Я, не оглядываясь на друга, поплелась к рингу. Встала напротив Шацкой. Ладони вспотели...

– Не бойся, бить не буду, – ехидно улыбнулась Уля. Не знаю, возможно, улыбка была самой обычной и даже приветливой, но я воспринимала Шацкую только в отрицательном ключе. И вообще на любую фразу Ульяны реагировала как колючий злобный еж.

– Я и не боюсь, – с вызовом ответила я, хотя мои ноги стали ватными.

– Только не толкайся, как тогда у расписания, – предупредила Шацкая.

– Я еще и царапаться могу, – ответила я, принимая боевую стойку. Стиснула зубы. Наверное, со стороны я выглядела потешно, а не угрожающе. Еще и тушь с глаз сползла. Прямо кунг-фу-панда против Тай Лунга. Стиль медведя. Капу дадут? А шлем? Я по телевизору видела...

– Расслабься ты! – рассмеялась Ульяна. – Я просто покажу

тебе пару элементов.

Размахивая кулаками практически перед моим носом, Шацкая спросила:

– Паша – твой парень?

Хотелось бы дать утвердительный ответ.

– Нет, – покачала я головой, жмурясь от ее резких взмахов. – Он мой друг.

– Значит, Буравин – твой бойфренд? – усмехнулась Уля.

– Ты знаешь Германа?

– Кто Буравчика не знает? – Шацкая пренебрежительно пожала плечами. А затем с сожалением взглянула на меня: мол, еще одна дуреха клюнула на смазливое парня.

– Буравчик – хороший, – нахмурилась я. И сама подивилась, как эта фраза вылетела из моих уст. Я Германа сразу невзлюбила, но мне хотелось все говорить в пику Ульяне.

– Все они хорошие, – нахмурилась Ульяна, – до поры до времени...

Глаза Ули от злости из голубых превратились в темно-синие. А сама она стала такой сердитой, что, если бы перед ней была боксерская груша, а не я, она ее здорово отдубасила бы. Ой, кажется, Пашка попал. Не так-то просто будет отогреть сердце нашей Снежной королевы.

На всякий случай я отскочила на пару шагов назад.

– Куда ты сноваходишь? – сердито проговорила Уля.

– Мало ли что от тебя можно ожидать, – честно ответила я.

– Сказала же: стой на месте! – приказала Шацкая, еще резче выкидывая вперед кулаки.

– Ага, сейчас! – Продолжила я пятиться назад. Еще ненароком меня зашибет... – Только штаны подтяну.

– Полина! – угрожающе прошипела Ульяна. – Это может быть опасно!

В следующую секунду я почувствовала сильный удар в затылок. Будто потолок обрушился на мою голову. В зале вдруг на мгновение почернело, а затем из глаз посыпались яркие звезды. Странно, но в тот момент единственное, о чем я подумала: «Стерва! Все-таки она помнит мое имя...»

Глава четвертая

– Поля! Полин! – услышала я сквозь шум в голове ласковой голос Паши. – Вы совсем сдурели? Ты не видишь, куда бьешь?

– Да я что, – пробасил кто-то растерянно, – под горячую руку попала.

– Под горячую руку?! – продолжал возмущаться Паша. – Ты слепой, что ли?

– Ну еще вы тут подеритесь. Я ей сразу сказала, не скакать по всему рингу, как обезьяна. Рядом спарринг был... – это Шацкая пропищала.

– Когда она в себя придет? Нашатырь тащите!

Я почувствовала, как моей ладони коснулись чьи-то горячие пальцы. Прикосновение было таким нежным и родным. Это Паша! Паша, предназначенный мне самой судьбой... В груди радостно дрогнуло. Сразу перехотелось оповещать остальных, что я пришла в себя. Да я вроде даже и не отключалась. Вот только не заметила, как вокруг меня столпились все, кто был в зале. Паша тронул мое запястье, а я готова была зажмуриться еще сильнее, пусть держит мою руку и никогда не отпускает.

– Давайте я крохотуле моей искусственное дыхание сделаю, – раздался надо мной голос Германа, – рот в рот.

Что ж, эти слова подействовали на меня круче любого на-

шатыря. Я тут же широко распахнула глаза:

– Не надо мне никакого рта!

Тем более Буравьиного...

– О, очухалась! – обрадовался Буравчик.

– Как ты? Тошнит? – спросил меня с беспокойством в голосе Паша.

Определенно хотелось ответить: «Теперь лучше».

– Голова гудит, – хрипло сказала я. Поморщившись, осторожно дотронулась до макушки, на которой созрела огромная шишка.

– Тут есть медкабинет, – подошел ко мне тренер, – на втором этаже.

Было немного неудобно, что вокруг собралось столько людей.

– Спасибо, не надо, – пролепетала я, но Пашка уже подхватил меня на руки. Ох... Ничего другого не оставалось, как теснее прижаться к другу.

Когда мы вышли из кабинета врача, который меня осмотрел и сообщил, что с головой все в порядке (Неожиданно!), Долгих с сожалением в голосе произнес:

– Прости, Полин, не надо было звать тебя на эту тренировку.

– Что уж там, – проговорила я слабым голосом, хотя чувствовала себя просто замечательно. Может, Пашка еще раз на руки возьмет? И утащит сразу в загс. – Не успела Ульяне разрекламировать тебя. Видишь, как получилось.

– Вижу, – печально отозвался Паша.

Может, он и забудет на эту не самую удачную идею – сойтись с Шацкой? Они такие разные.

Я, зачем-то еще и прихрамывая в придачу, направилась к женской раздевалке. Долго приводила себя в порядок, потому как видок после первой тренировки по боксу был еще тот. Еле смыла макияж, расчесала волосы, переделалась в платье... Черт! Еще и шпильки. Ноги после непривычной нагрузки гудели. Выползла в коридор в страхе снова столкнуться с Буравиным. Но снаружи меня ждал еще более неприятный сюрприз.

Паша стоял напротив Ули рядом со стойкой, где продавались банки со спортивным питанием, свежевыжатые соки и кофе. Еще там было несколько аппетитных плюшек. Наверное, этот товар в подобном заведении пользовался наименьшим успехом, но я с горя готова была слопать все, что видела на витрине.

Ульяна кокетливо над чем-то хихикала, то и дело дотрагиваясь до Пашкиного плеча. Я непроизвольно сжала кулаки. Закрепить полученный сегодня теоретический материал? Мой непревзойденный стиль медведя... О чем-то договорившись, Шацкая отвернулась к витрине с плюшками, а Паша направился ко мне.

– Как ты?

– Если честно, опять поплохело, – призналась я.

– Черт, у меня тачка в ремонте. Так бы тебя подвез. Вы-

зову такси, – сказал Долгих. – Буравчик домой уже ушел, извини, не успел его задержать.

– Ох, какая жалость! – скривилась я. Уполз мой пупсик.

Пашка молчал, видимо, не горя желанием посвящать меня в свои амурные дела. Я осмелилась спросить первой:

– Ты разговаривал с Улей?

– Да, договорился с ней о встрече.

– Вот как! – На моем лице отразилось разочарование.

– Ты чего? – удивился Пашка.

– А как же мы с Буравчиком? – обиженно произнесла я. – Мое женское счастье от тебя зависит.

– После сегодняшнего я решил, что между вами вряд ли что-то получится, – сказал Пашка, – ты так на него реагировала...

– Я уже передумала, – быстро сказала я, – такая мужская решительность подкупает.

Друг внимательно смотрел на Улю, по-прежнему стоящую у стойки с выпечкой. Я же непроизвольно сделала шагок навстречу Долгих и засмотрелась на его красивый родной профиль. Прямой нос, чуть приоткрытые пухлые губы, изогнутые черные ресницы, глаза цвета спелого крыжовника... А не перетопчется ли Шацкая? Позарилась на чужое! Следующее предложение вылетело как-то само собой:

– Как насчет двойного свидания?

– Я, Уля, ты и Буравин? – удивился Пашка.

– Ну!

– Что ж... – Паша замялся.

– Шацкая и Буравчик – наша судьба! – горячо воскликнула я, повторив слова друга. – Ты забыл?

– Господи, Полимер, ты зачем так об этом вопишь? – Пашка воровато оглянулся на Ульяну. – Ладно, будет тебе двойное свидание.

Ха! Ура! Глаз с них не спущу.

– А ты мне поможешь с цветами и письмом? Вы ведь с Гошей хорошие друзья...

– Самые лучшие, – снова громко известила я, радуясь, что Долгих согласился на двойное свидание. – Да он мне роднее мамы!

– Надо же, – с сомнением проговорил Пашка. – Ты, кажется, здорово головой приложились. О'кей, жди тут, такси вызову.

Долгих отошел в сторону, а я от нечего делать прислушалась к разговору между Шацкой и сотрудником спорткомплекса.

– Не могу без кофе, – жаловалась Ульяна. – Это какой-то наркотик.

Парень за стойкой протянул ей картонный стаканчик.

– Держи, наркоманка, – со смехом проговорил он, – только из-за тебя соевое молоко держим.

Ну конечно! Веганский кофе для Шацкой. Когда Пашка потянул меня за руку на улицу, я с самым невозмутимым видом проговорила:

– Кстати, классно было бы устроить свидание в новой бургерной.

– Да? – повернулся ко мне Паша. – Не самое романтическое место.

– Ой, ты что! – воскликнула я. – Мы тут с Ульяной разговорились, пока на меня не обрушился чужой кулак. Так выяснилось, что Уля, как и ты, просто обожает бургеры. Видишь, сколько между вами общего.

– Серьезно?

– С чего мне врать? – возмутилась я, догоняя на шпильках Пашу. – Пожирнее, говорит, люблю, чтоб котлетка попожаристей. Ммм! И соус барбекю. Думаешь, почему она потом сразу в двух секциях пыхтит?

– Единственный, кто тут сейчас пыхтит, так это ты, – хмыкнул Пашка, глядя, как я на каблуках пытаюсь за ним поспеть. – Ладно, ныряй в тачку.

Долгих распахнул дверь такси и взмахнул рукой, приглашая меня сесть на заднее сиденье.

– А ты куда? – ревниво осведомилась я. Неужели вернется к этой голубоглазой?

– Я живу в этом районе, Поля, – усмехнулся Пашка, – отсюда недалеко и пешочком.

– Ну смотри.

Я уселась в такси, не сводя взгляда с друга. Пашка резко наклонился ко мне и внимательно осмотрел лицо. Я почувствовала его теплое дыхание на своей щеке и смущенно опу-

стила глаза.

– Полин, точно все в порядке? – заботливо спросил Паша. – Может, с тобой поехать?

А потом пилить обратно из одного района в другой? Как бы мне ни хотелось, чтобы Долгих проводил меня до дома, я улыбнулась и покачала головой:

– Я в порядке, честно.

Не удержалась и на прощание запустила пальцы в волосы друга. Долгих удивленно взглянул на меня и улыбнулся. Затем, к моему сожалению, отстранился и захлопнул дверь. Паша продолжал стоять на месте, задумчиво поглядывая на машину. Когда такси тронулось, я припала к окну, чтобы помахать ему на прощание. Долгих с той же озадаченной улыбкой помахал мне в ответ.

Нет, Шацкая определенно перетопчется. А мы с Пашей скоро будем вместе.

* * *

Врага нужно знать в лицо. Именно поэтому я весь вечер изучала страницу Ульяны. Зашла в ее профиль скрепя сердце. Сколько раз избегала ее в рекомендуемых друзьях, чтобы не портить себе настроение.

И здесь она, конечно, выпендрилась. В информации о себе: *«Я из той старой школы, когда эсэмэски пишут с соблюдением правил пунктуации и орфографии»*. За грамотность,

значит, девочка ратует. Ну-ну.

Фотографии со сцены, с соревнований, с концертов... И куча восторженных комментариев. Даже моя маман отметилась под снимком Шацкой в аквамариновом платье с букетом кустовых роз в руках: «Ульяночка, ну какая красавица!» И ей в ответ: «Ой, Лидия Аркадьевна, спасибо!»

А Лидия Аркадьевна и мне таких комментариев не пишет. Только редкие личные сообщения: «Отец деньги перевел, заплати за комнату, за апрель», «Опять на пересдачу собралась? Так и думала», «Меньше в интернете надо сидеть», «У бабушки день рождения, не забудь поздравить!». Вот и все.

В тот же вечер позвонил Долгих.

– Как твой котелок? – спросил он.

– Спасибо за беспокойство, пока варит, – ответила я сквозь шум воды.

– Что ты там делаешь?

– В таз воду набираю, – ответила я, – Изабеллу буду купать.

– А-а-а, – протянул Пашка. На фоне играла музыка, слышался смех. Что ж, каждый сам вправе выбирать свой досуг. Я в выходной купаю черепаху.

– Если я завтра с утра притащу цветы и записку для Ульяны, твой Гошка передаст все в лучшем виде? Ты с ним говорила вообще?

– Говорила, – хмыкнула я. Конечно, не на тему Ушацкой.

Мы снова поспорили из-за пропавшего днем черничного йогурта, который я купила после своей фееричной тренировки по боксу.

– Кайф! Тогда утром ждите. Что там малой любит? Шоколадки, чипсы?

– Чужие йогурты, – подсказала я.

– В общем, сочтемся, – заключил Пашка.

Искупав черепаху и насухо вытерев ее махровым полотенцем, я отправилась на кухню, где Гошка ужинал, одновременно просматривая видеоролики на YouTube.

– За едой вредно планшет смотреть, – строго сказала я.

– Ммм, – равнодушно промычал Гошка.

– Лучше бы книжку почитал, – снова проворчала я. Господи, откуда в моей голове столько маминых фраз?

– Читать за едой тоже не очень полезно, – тут же нашелся Гоша.

– И то верно, – вздохнула я, присаживаясь рядом.

– Что тебе надо? – спросил Гоша, не отрываясь от просмотра.

– Как ты узнал?

– Просто так ты со мной бы не сидела, – усмехнулся Гошка.

Я, подперев щеку рукой, разглядывала мальчишку. С виду он и правда настоящий ангелок. Круглолицый, со светлыми волосами и самыми искренними синими глазами. А еще так любим родителями... Конечно, Елена Петровна не одобрила

бы такой ужин с планшетом. Но мои соседи снова при первой возможности укатили на дачу, а я ему не указ. Правда, свои наставления Елена Петровна сделала бы в ласковой, доброй форме... И тогда бы Гошка обязательно ее послушался, потому что он не любит огорчать родителей. Огорчает он обычно только меня.

Иногда я даже немного завидую мальчишке. Чаще всего это происходит, когда я случайно попадаю на их дружные семейные завтраки. Смирновы каждую неделю выбираютя втроем за город, водят Гошку в театры, музеи... И никогда не ругают за плохие оценки. Моя же мама часто бывает ко мне необоснованно строга.

– Гош, а каково это – когда любят не за что-то, а просто так? – вдруг спросила я.

– Еще скажи «вопреки чему-то», – отозвался мальчишка. И по-взрослому так вздохнул.

– Нет, я серьезно!

– Это, Поля, очень хорошо.

– Так и думала, – кивнула я.

– Что ты от меня-то хочешь? – спросил Гошка.

– А, да ерунда. Пашка Долгих решил одну девчонку покорить, и ему нужна твоя помощь. Цветы, записочки... Не за бесплатно, конечно. Поможешь?

– Я думал, ты Пашку любишь!

Почувствовала, как покраснела.

– Мало ли что ты там себе надумал, – пробормотала я.

Немного помолчала, а затем спросила: – И когда ты заметил, что я... хм...

– Да тебе уже давно капец, – вынес вердикт Гошка. Точно, мне капец!.

– При Пашке ты еще как-то держишься. А когда его рядом нет, но ты что-то о нем рассказываешь, физиономия у тебя такая блаженная.

Ну и ну! Я только растерянно ресницами захлопала.

– А хочешь, мы этой девчонке цветы подменим? – предложил мальчик. – На какой-нибудь вонючий веник.

– Уж лучше записку подменить, – сказала я. Глаза мои загорелись. В голове уже созрел план. – И ты будешь на моей стороне?

Вообще-то у мальчишки хорошо котелок варит по части всяких гадостей. Сколько он мне за три года подлянок устроил.

– Конечно, это в моих же интересах, – важно проговорил Гоша, поднимаясь из-за стола, и тут же направился к раковине, чтобы помыть за собой посуду.

– Это еще почему? – удивилась я.

– Жду, когда у тебя появится парень и ты перестанешь быть такой психованной, – укоризненно покачал светловолосой кудрявой головой Гошка.

– Ну знаешь ли! – возмутилась я. – Самый умный? Будто что-то понимаешь в делах взрослых.

Гошка, звякая вилкой и тарелкой, обернулся:

– Естественно! Мне ведь уже не пять лет, а двенадцать.

– О-о-о, – протянула я. – К твоему солидному возрасту я отношусь с почтением, сэнсэй!

Гошка рассмеялся и снова принялся намывать тарелку.

– Слушай, а подменить записку – это слишком подло? – спросила я.

Мальчишка выключил воду и, вытерев руки о джинсовые шорты, повернулся ко мне:

– Как-то раз я сообщил девчонке, которая мне нравится, что ее сосед по парте козявки жует на переменах, потому что она ему тоже симпатична.

– Ой, это подло, – покачала я головой. Хотя жаль, что в двадцать лет финт с козявками вряд ли прокатит.

– Знаю, но как по-другому? All's fair in love and war, Поля.

– Что? – не сразу поняла я.

– В любви, как на войне, все средства хороши, – снова вздохнул Гошка.

* * *

И все-таки мы подменили записку. В первоисточник, который оставил Пашка, я не заглядывала. Но очень уж хотелось, скрывать не буду. Что за признание он там написал Шацкой, интересно? Я, зажмурившись, вытащила из конверта послание друга.

– Что там? – заинтересовался Гошка.

– Нет уж, чужие письма мы читать не будем. Это некрасиво!

– Менять их тоже дельце так себе, – захохотал Гоша.

– Цыц!

С утра я составила новую записку для Ушацкой. Начинаясь она со слов: «Дорогая Уля!..»

Я допустила еще парочку орфографических ошибок и абсолютно проигнорировала запятые – любовное послание было готово. Пашка с русским языком, конечно, не особо дружен, но ведь не настолько... Хотя, казалось бы, кто обратит внимание на правописание и сделает из этого трагедию? Но вот Ульяна точно ошибки не пропустит. Это письмо должно охладить ее интерес к Пашке. Уже представляю Улю в очках, сползших на кончик носа, делающую пометки красной пастой на полях. «У Шацких Ульяна обладает врожденной грамотностью!» – раздался в моей голове язвительный голос мамы. Да и вчерашний ее выпендренный статус в социальной сети чего стоит.

– А цветочки красивые, – покачал головой Гошка, – что бы ты там ни написала, цветочки могут все перекрыть.

– Не перекроют, – пообещала я, – топай!

Вручив Гошке букет ирисов, я довольно потерла руки. Зачем умнице, красавице и перфекционистке Ульяне Шацкой такой оболтус, как мой Пашка? Тем более, как я поняла по пренебрежительному тону в зале, таких смазливых и накачанных парней, как Буравин и Долгих, наша Белоснежка не

особо-то и жалуется. Ей интеллектуалов богемных подавай – музыкантов, художников, поэтов...

Гошка бережно взял в руки букет и отправился в прихожую. По такому случаю он принарядился в светлую рубашку и темные брючные шорты, напоминая мальчика-зайчика из «Ну, погоди!». Гляди-ка, как чипсы и шоколадки от Долгих получить хочет.

– Стой! Я с тобой, – вдруг быстро проговорила я, сбрасывая с ног домашние тапочки. Вообще-то мне еще нужно было в университет к четверем, но букет и подмененная записка не давали покоя.

– Это с чего вдруг? – почему-то рассердился Гошка. – Сам дойду, не маленький.

– Да-да, – поморщилась я, – тебе ведь уже не пять лет, а целых сто двенадцать! Но мне нужно хоть одним глазком взглянуть, как она отреагирует на этот букет, понимаешь? Нравится ей Пашка или нет?

– Ты больная! – покачал головой сосед.

– Пусть, – кивнула я.

– Прямо так пойдешь? – придиричливо осмотрел меня Гошка. Сам-то он был одет с иголки, а вот я в растянутой футболке и домашних клетчатых шортах. Со стороны мы, конечно, казались очень странной парочкой.

– Вот еще ради нее наряжаться, тем более здесь недалеко.

Уля жила в красивом новом одноподъездном доме-свечке. Насколько мне было известно от мамы, квартиру в го-

роде купил Ульяне отец. Но жила Шацкая не одна, а с какой-то строгой теткой, которую подселили специально, чтобы та присматривала за Ульяной. Вот облом, да? Пуританское воспитание. Не удивлюсь, если от этой тетеньки Уле еще и за букет ирисов достанется.

Адрес Пашка пробил через свои достоверные источники. Пятьдесят девятая квартира, десятый этаж. Мы с Гошей молча поднялись на лифте и вышли на просторную площадку, где было шесть квартир. Вокруг царила тишина.

– Вот пятьдесят девятая, – шепотом проговорил Гошка, кивнув на черную массивную дверь.

– Ага, – зашипела я в ответ. – Сейчас поднимусь на пролет выше...

Я уже хотела взбежать по лестнице, но вдруг из-за двери квартиры Ульяны отчетливо послышался мужской бас. Мы с Гошей переглянулись.

– Отец? – одними губами спросил Гошка.

Я помотала головой:

– Она с теткой живет.

Вообще-то у Ульяны еще был старший брат, но, по рассказам моей мамы, он жил в Канаде и приезжал на родину крайне редко. Да если бы и приехал, то в наш курортный городок, к родителям, а не сюда.

– Пашка? – выдвинул новую версию сосед.

От этого предположения я готова была распластаться без чувств на полу. Да, Пашка шустрый, с него станется. Но

Шацкая так быстро не пустила бы Долгих за порог своего дома.

– Может, ремонтник какой? – предположила я.

Снова звонкий смех Шацкой.

– Хм! Чего гадать? Короче, звони! – рассердилась я, направляясь к лестнице.

Гошка какое-то время нерешительно потоптался возле двери, а затем нажал на кнопку звонка. Я наострила уши. Уля долго не открывала, хотя, судя по доносившимся голосам, находилась от двери не очень-то и далеко, скорее всего, в прихожей. Наконец замки брякнули, и я услышала приветливый голос Шацкой:

– Здравствуйте, вы ко мне?

– Здравствуйте! – с почтением в голосе произнес Гошка. – К вам, Ульяна! У меня есть послание от вашего поклонника, который по совместительству является моим хорошим товарищем.

О-о-о, ну куда деваться! Гошка произнес это так важно, почему-то еще и картавя. Наверняка одну руку за спину спрятал, бабочку на шее поправил... Шацкая, конечно же, умилилась и растрогалась. Знала бы она, как он вещи мои за унитаз прятал и к бедной Изабелле жестяную банку на ниточке привязывал. Тогда Поля-младшая гремела по квартире, как машина с молодоженами.

Попутно Гошка отвесил Шацкой трогательный детский комплимент. Уля что-то негромко прошептала в ответ, раз-

дался шорох упаковочной бумаги, вздох умиления... Затем дверь хлопнула, и замки вновь кротко брякнули. Гошка взглянул на меня. Я сверху замаячила рукой, указывая на лифт. А если Уля в глазок наблюдает?

– Жди внизу, – одними губами проговорила я.

Гошка кивнул и нажал на кнопку вызова лифта. Когда он уехал вниз, я некоторое время раздумывала, с какого этажа спуститься мне. Подняться еще на пролет выше? Любопытство победило, и я на цыпочках пробралась к квартире Шацкой, прислонила ухо к двери и прислушалась. Некоторое время там было тихо, а затем снова послышались приглушенные голоса. И один из них точно мужской. Черт возьми! Кто там? Точно не Пашка. Иначе зачем этот цирк с букетом? Все-таки кто-то из родственников? Или у Ульяны есть парень? Тогда почему она приняла приглашение Долгих? Непонятно...

Замки соседней квартиры лязгнули, и я отпрянула от двери. Показалась седовласая голова в бигуди.

– Здравствуйте! – строго сказала голова.

– Здравствуйте, – тихо отозвалась я.

– Вы здесь живете? – поинтересовалась голова.

– Угу, – зачем-то соврала я. – Здесь. Вот... мусор ходила выкидывать.

Благо наряд у меня для этого самый подходящий – домашние шорты и футболка.

– Из какой вы квартиры? – не отставала говорящая голова. Что она привязалась ко мне вообще? Я похожа на бандита?

– Вы верите в бога? – спросила я.

– Ой! Сектанты! – в ужасе пискнула голова. И тут же скрылась в своей квартире. Дверные замки снова противно лязгнули. А я припустила к лифту.

На улице мы с Гошей, не сговариваясь, почесали по двору. Меня не покидало ощущение, что из окна за нами кто-то наблюдает. Ульяна, ее таинственный гость или мнительные бигуди?

– Видел в коридоре мужскую обувь? – спросила я на ходу.

– Не-а, какое там! Она дверь чуть приоткрыла. И, кстати, была явно напряжена.

– Да? Интересненько! – хмыкнула я. Зачем скрывать какого-нибудь ремонтника? Наверняка Шацкая решила, что это тетушка пожаловала, вот и спрятала ухажера. Ну все! Зря Пашка на ирисы раскошелился. Не светит ему ничего с красавицей Ульянушкой. Зуб даю, накрылось медным тазом наше двойное свидание. Я счастливо заулыбалась.

– Ты чего щеришься? – покосился на меня Гошка.

Я вместо ответа потрепала его по белобрысой макушке и негромко запела:

– У меня появился друго-о-ой, у меня-я-я появи-и-ился друго-о-ой! А-ча-ча!

– Не позорь меня, – испугался Гошка, – на нас люди смотрят.

Ох уж этот трудный возраст.

– У меня появи-и-ился друго-о-ой! – еще громче и фаль-

шивее затянула я. – У меня-я-я появи-ился друго-о-ой!

– Достала! – злился Гошка. – Там есть другие слова?

– Наверное, есть! – засмеялась я. – Только их не помню.

– У Пашки твоего губа не дура, – в отместку за свой позор сказал мне Гоша, – Ульяна очень красивая.

– Много ты понимаешь, – фыркнула я, – маленький еще на таких девиц заглядываться. И вообще, она не его девушка пока.

Гошка молчал и важно вышагивал рядом со мной. Мы прошли мимо галдящей малышни, которая в каникулы торчала на улице с самого утра. Ребята вынесли из дома ведро, в котором развели шампунь и глицерин, и теперь при помощи конструкции из двух длинных палок и веревки выдували огромные мыльные пузыри. Из припаркованной неподалеку машины доносилась веселая летняя мелодия, а навстречу нам с Гошей летели большущие радужные шары. Я рот распахнула от восторга. Какая красота! А Гошка даже не взглянул в сторону пузырей. Ах, ну да, он ведь уже большой мальчик.

– Как думаешь, если я скажу Пашке, что Ульяна козявками увлекается, он от нее отстанет? – спросила я.

– Ты такая дура, Поля, – доверительно сообщил мне двенадцатилетний Гошка. – Взрослей!

– Любовь, что тут поделаешь, – развела я руками. – Когда-нибудь и тебя так скрутит.

– Скрутит? – удивился Гоша.

– Ага, как от просроченной колбасы, – припугнула я.

– Неужели все так плохо? – огорчился сосед.

– Если безответная любовь, то да... Очень бодрит. Как внезапный сильный град. Холодно и твердыми льдинками больно бьет. А главное – к такому не подготовишься. Ты же не знаешь, где и когда град тебя застанет?

– А прогноз погоды?

Я только отмахнулась. Этот Гошка портил мне всю теорию.

– Зато когда непогода утихнет, – продолжила я, представив на мгновение, что случится, когда мы с Пашей будем вместе, – наступит такая благодать. Помнишь этот свежий воздух после дождя и града? А знаешь, как здорово целоваться? Правда, в первый раз непонятно, как и что произошло, но ты счастлив до чертиков.

– Мне не нравятся такие разговоры. – Гошка, смутившись, покраснел до кончиков ушей.

– Эх ты! Взрослый! – покачала я головой, оглядываясь на мыльные пузыри, которые остались позади.

Во дворе мы столкнулись с Долгих, который, похоже, направлялся в нашу квартиру.

– Привет, малой! – Пашка пожал Гоше руку, совсем как взрослому. – Ну как все прошло? Передал?

– Передал! – кивнул светловолосой головой Гошка. – Все прошло отлично.

– С меня презент, – пообещал Паша, а потом взглянул на

меня: – Вы... вместе, что ли, ходили?

– Вот еще, – усмехнулась я, – делать мне нечего? Сами только встретились во дворе. Привет, Гош!

Гоша укоризненно покачал головой и молча направился к крыльцу.

– Ковалева, а ты откуда в таком виде? – заинтересовался Паша. – В домашнем.

Сказать про мусор? Или поинтересоваться, верит ли Долгих в бога? С ним ничего не прокатит.

– Просто гуляла, – ответила я. – Дышала свежим воздухом. Ты не забыл, что у нас в четыре консультация?

– Не забыл, – ответил Пашка, продолжая меня разглядывать. – Хотел у тебя перекантоваться, чаю попить. Потом бы в универ вместе мотанули.

– Пойдем! Только к чаю ничего нет. Откроем банку варенья из алычи. Мама еще в марте присылала.

Жалко все-таки Пашку. Бедненький, с утра цветы покупает, записки любовные строчит, а Шацкая в квартире с другим запирается тайком от тетки. Я, злорадно усмехнувшись, взбежала на крыльцо и потянула на себя тяжелую дверь. Домофон у нас никогда не работал.

– Помнишь про двойное свидание? – спросил Паша.

– А оно состоится? – удивилась я.

– Почему бы ему не состояться? – отозвался друг. – Я вот пять минут назад разговаривал с Улей по телефону...

Я даже запнулась о порог от неожиданности. Ай-ай! Не

станет наша целомудренная Ульяна сразу с двумя парнями роман крутить. Значит, на Пашку она виды все-таки имеет. Ну что ж, будем дальше бороться за счастье.

А тот, кого Шацкая прятала в квартире, выходит, вовсе не ее новый парень. Но тогда кто?

Глава пятая

Наше двойное свидание получилось весьма занятным. Разумеется, началось с того, что я опоздала. Долго не могла отыскать недавно открывшееся кафе. Именно в нем предложила встретиться Шацкая. А с бургерной у меня не прокатило. Ульяна, узнав, куда ее хочет пригласить Пашка, запротестовала. Как так? В бургерной нет вегетарианского меню! А в этом кафе и кофе с кокосовым молоком вкусный, и роллы с тофу, и тайский салат... В общем, рай для нашей Ульяночки.

– Ты чего там про бургеры мне наплела, Полиныч? – накануне свидания сердито спросил по телефону Пашка. – Улья говядину не ест.

– А рыбу? – спросила я, придумывая на ходу ответ.

– И рыбу.

– И птицу не ест?

– И пресмыкающихся, – раздраженно ответил Пашка.

– А насекомых? – решила уточнить я.

– Полина!

– Ну надо же. А почему я тогда решила, что она любит бургеры?

– Вот и я о том же, – Пашка явно злился. – Не знаю, почему ты так решила.

– Хорошенько, видимо, меня огрели на тренировке, – сказала я. И язвительно добавила: – На тренировке, куда ты при-

гласил.

Пусть у Пашеньки вновь взиграет чувство вины. Долгих понял, что выяснять со мной отношения бесполезно, и отстал.

В кафе я заходила с не самым довольным выражением лица. В поле моего зрения сразу попал столик, за которым сидели Пашка, Уля и Герман. Долгих и Шацкая, склонив головы, о чем-то негромко переговаривались. А Буравчик, заметив меня у входа, просиял и подмигнул. Начинается! Малыш-крепыш.

– Привет! – произнесла я, подойдя к столику. – Всех рада видеть.

Ну... как всех? Рада только Пашке. Но правила этикета-то никто не отменял.

– Присаживайся рядом со мной, конфетка, – с противным скрежетом отодвинул Буравчик стул. – Я тебя ждал.

– Супер, – кивнула я, плюхаясь на услужливо предоставленное Германом место.

Как только Уля перевела взгляд на Пашку и открыла рот, чтобы что-то ему сказать, я громко спросила:

– Вы уже сделали заказ? Что посоветуете? Такая голодная, ужас!

– Я заказала черный рис с тыквой, – сообщила Шацкая.

Бэ-э-э, гадость. Лучше бы бургер съесть. Проиgnорировав рекомендации Шацкой, я углубилась в чтение меню. До меня донесся восторженный голос Ульяны:

– Я уже трижды успела побывать в этом кафе и каждый раз заказываю тыкву с черным рисом. Потрясающий вкус! Мне даже захотелось раздобыть рецепт...

Я почувствовала, как под столом теплая мужская рука дотронулась до моего голого колена. Не знаю, что насчет рецепта, а вот тыквой Шацкая может обзавестись. Той, которую я готова была снести с плеч Буравчика.

Не убирая упавшие на лицо пряди, исподлобья я грозно взглянула на Германа. Наверное, в тот момент была похожа на девочку из «Звонка». Буравин охнул и поспешно убрал свою лапищу с моего колена.

– А ты, Паш, что заказал? – спросила я.

– То же, что и Уля, – кротко ответил Пашка.

Ха! Ну да, ну да. Из Паши такой же вегетарианец, как из пингвина сокол. Это он перед Шацкой выпендривается.

– А стейков здесь разве нет? – спросила я назло. – Ты ведь их так любишь.

Пашка округлил зеленые глаза и покачал головой. Но Остапа, меня то есть, уже понесло...

– И перчатки свои кожаные забери, которые оставил, – сказала я, – с марта валяются.

И если минуту назад Буравин под столом бесцеремонно лапал мое колено, то Пашка просто наступил на ногу. Не знаю, что из этого неприятнее.

– Герман, ты ведь не в курсе... Поля у нас мечтает научиться кататься на велосипеде, – проговорил Пашка.

Я рот распахнула от удивления. Неправда! Железные двухколесные конструкции с рулем – моя фобия. А на трехколесном я, наверное, выглядела бы уже несолидно.

– А у тебя ведь КМС по велоспорту, – продолжил Пашка, обращаясь к Буравину. При этом не сводил с меня ехидного взгляда. – Научишь Полю на велосипеде кататься?

Буравчик уставился на мое лицо, а затем согласно закивал.

– Конечно, без проблем! – Буравин скривил губы в усмешке: – Научить кататься на велосипеде и медведя можно.

– Спасибо! – буркнула я. Это меня с медведем сравнили? Очень приятно. – Но я не хочу ничему учиться. Пашка врет. Нет у меня такой мечты. Я боюсь!

– Не научишься, так я тебя на багажнике прокачу, – подмигнул мне Буравчик. – Доставлю куда хочешь с ветерком, карапуз!

Ага, если только в своих сновидениях. Пусть помечтает. А мне бы такой сон точно кошмаром показался. Уже представила, как Буравчик везет меня на багажнике по каким-то колдобинам...

– А я обожаю кататься на велосипеде, – воодушевленно произнесла Уля. – Мы с младшей сестрой летом каждое утро ездим на дикий пляж. Наушники, первые лучи солнца, свежий морской воздух...

Конечно, кто бы сомневался! В моем воображении Ульяна ехала на красивом мятном велосипеде-круизере с корзи-

кой на руле, в которой были свежие полевые цветы. Или хрустящий утренний багет из местной пекарни. А сзади мы с Буравчиком по колдобинам... Я, разумеется, по-королевски восседаю на багажнике.

– А потом, разломив руками этот хлеб и бросив велосипеды у подножья молчаливых темных скал, завтракать у обрыва над морем и наблюдать за беспокойными волнами... – закончила Ульяна. Я все прослушала. Она серьезно про багет говорила? Парни устали на Шацкую, разинув рты. Сама мисс Идеальность. После рассказа об утренней велопрогулке до дикого пляжа каждый подумал об одном и том же...

– Скорее бы разделаться с сессией и вернуться домой, – потянувшись, сказал Пашка. – Или кто-то останется в городе?

– Что тут делать? – пожал плечами Буравин. – Домой, конечно. В середине июля уже сорева начнутся. Еще нужно в форму себя привести, серф подготовить...

– Ты тоже поедешь? – спросил Паша, накрыв своей ладонью руку Ульяны. Я проследила за этим движением и скрипнула зубами от злости.

– Семнадцатого июня последний экзамен, – улыбнулась Шацкая, не отнимая своей руки. – Конечно, поеду! Жду не дождусь.

А я как жду не дождусь, когда ты отклеишься от моего друга. Или Долгих отклеится от тебя.

– Слушайте! – воскликнул вдруг Пашка. Буравчик от

неожиданности даже пончик из рук выронил, который планировал донести до раскрытого рта. – Может, все вместе рванем на моей тачке? Вы как?

«Рванем» – для Пашкиной машины слишком громкое слово. Единственное, куда она может рвануть, это вниз с обрыва – и то, если ее хорошенько подтолкнуть.

– У тебя есть машина? – заинтересовалась Ульяна.

– Да, только она сейчас в ремонте, – скромно отозвался Паша.

Я хотела съязвить: «Как и остальные одиннадцать месяцев в году», но не успела. Буравчик уже пихнул мне под нос пончик.

– Такой же сладенький, как и ты! – негромко проговорил он.

– Что? Ты серьезно? – возмутилась я. Бесцеремонно отпихнула пончик и снова обратила взор на нашу сладкую парочку.

– Как раз к отъезду ее должны отремонтировать, – продолжал хвалиться Пашка своей колымагой. – За ночь доедем. Будет круто!

Круто? Круто, если меня посадят сзади вместе с Буравиным, а потом Пашкина машина, как обычно, заглохнет в самом неподходящем месте, и мы в ночи будем ее толкать по пустой неосвещенной трассе.

– Павел, я подумаю над твоим предложением, – улыбнувшись, кивнула Ульяна.

Павел засиял.

– Я тоже подумаю, – сказал Буравчик.

– Ты умеешь думать? – сквозь зубы проговорила я.

Герман, услышав меня, снова протянул пончик:

– Закуси, ворчунишка моя!

– Пончики не самая полезная еда, – отрезала я, глядя, как

Ульяна уминает за обе щеки тыкву.

– Все полезно, что в рот полезло, – проворчал Герман. А затем добавил: – Правило Буравчика!

Уля заливисто захохотала, а я закашлялась:

– Да уж!

В этот момент смартфон Ульяны, который лежал на столе, завибрировал. Такая правильная девочка, а правил этикета не знает. Кто на встрече достает телефон? Я укоризненно покачала головой. Мне бы такое и на ум не пришло, ведь единственный, кто мог написать, – Пашка, а он здесь. Ну или мама с сообщением в духе: «Надеюсь, ты не забываешь вытирать пыль с подоконников...»

Как бы я ни выступала за соблюдение правил приличия, а подглядеть адресата успела. Некто, записанный в телефоне Ульяны как «М». И кто это, интересно? Шацкая, извинившись, схватила телефон. Прочитав сообщение, она изменилась в лице.

– Что-то случилось? – забеспокоился Пашка.

– Нет, ерунда. Неприятности небольшие у... у подруги.

– У подруги, значит? – строго переспросила я. Таким то-

ном, будто сейчас поднимусь из-за стола да как хрястну по нему ладонью: «Знаем мы твоих подруг! Отвечайте, гражданка Шацкая, кто накануне был в вашей квартире около часа дня?»

– Ну да, у подруги, – подтвердила Уля, хотя глаза ее забегали, – у Маши.

Маша-Маша... Нужно узнать, есть ли такая у Шацкой на потоке. А если эта Маша из балета? Или бокса? Господи, Ульяна не могла записаться вообще во все кружки города? Ненормальная!

– Ну если неприятности не такие уж и крупные, не переживай понапрасну, крошка, – обратился к Шацкой Буравин. Прямо добрый полицейский с пончиком. Пришел мне, злому, на смену.

Буравчик дожевывал выпечку, расставив локти.

– Что ты расшиперился на весь стол? – раздраженно проговорила я в тот момент, когда Уля что-то негромко говорила Пашке. Склонившись к нему при этом близко-близко... Представила, как ее теплое дыхание щекочет Долгих уху. Вон как снова разулыбался.

– А что такое? – удивился Герман.

– Тесно! У тебя такие большие руки.

– У меня все большое, малышка. Если ты понимаешь, о чем я!

– Ох, боже! – поморщилась я.

– А знаешь, для чего мне такие большие руки? – накло-

нился ко мне Буравин. – Это чтобы крепче обнять тебя, детка моя!

Герман раскинул руки в стороны и, заключив меня в объятия, вместе со стулом (снова с самым громким на свете скрипом, между прочим!) придвинул к себе.

– Вот еще! Отпусти! – забубнила я.

– Вижу, вы наконец нашли общий язык? – глядя на нас, рассмеялся Паша.

– Общий язык? – горячо шепнул Буравчик и посмотрел на мои губы. – Пока не нашли...

– Избавь его от меня! – взмолилась я, отталкивая руками Германа.

Ульяна смеялась, но уже как-то отстраненно и невпопад. Было заметно, что мысли ее были заняты совсем другим. Когда пришло новое сообщение, Шацкая вскочила на ноги и схватила сумочку, которая висела на спинке стула.

– Простите, но мне нужно бежать! – заметно нервничая, проговорила она. – Моя подруга... без меня... она не справится.

Уля бросила несколько купюр на стол.

– Еще раз извините. Пока!

Шацкая быстрым шагом направилась к выходу, звонко стуча каблучками.

– Ой, я провожу! – поздно спохватился Пашка, вскакивая следом. Слишком поспешно Ульяна упорхнула от нас. – Уля!

Мы с Буравиным продолжали сидеть в обнимку. Вернее,

это Герман вцепился в меня так крепко, будто я была еще одним огромным сахарным пончиком.

– Может, ты отлипнешь от меня наконец? – сердито проговорила я.

– Холодная ты женщина! – покачал головой Буравин. – Все ушли, и что нам прикажешь делать?

Я уставилась в окно. На улице сгустились тучи, в кафе тут же стало хмуро и темно. Над головой зажгли дополнительные лампы. Мелкие дождинки царапали стекло. Прохожие поспешно раскрывали зонты, а сквозь негромкую музыку слышались раскаты грома. Вот тебе и июнь. Сейчас как затянется такая непогода на несколько дней... Кошмар!

– Тыковку вон доешь, – вздохнув, кивнула я на порцию Ульяны, – переждем грозу здесь.

Герман, поморщившись, все-таки придвинул к себе тарелку Шацкой. Ел молча, вместе со мной поглядывая в залитое дождем окно. Да, это было самое странное двойное свидание в моей жизни.

* * *

Как я и предполагала, дождь зарядил на целую неделю. По улицам снова разлились глубокие лужи. Город стал грустным и неприветливым. От этого еще больше захотелось домой. У нас затяжные ливни в это время года – роскошь.

Сдав сложный зачет, мы с Пашей выползли из аудитории.

– Этот Иван Иванович – энергетический вампир, – пожаловалась я, – мне попался легкий билет, но он задал столько дополнительных вопросов...

– А какой у тебя билет был? – рассеянно спросил Пашка.

– Устав ООН и принципы международного права. А он пристал! Охарактеризуйте, говорит, Полиночка, дополнительно принцип уважения прав человека. Я ему: послушайте, Иванович...

– Так и сказала? – Паша продолжал вертеть головой, кого-то высматривая.

– Нет, Иван Иванович, конечно. А дальше рассказываю: первый принцип заключается в том... Долгих, ты слушаешь меня?

– Ага.

Я хмыкнула и, глядя на Пашку, ехидно продолжила:

– Первый принцип, говорю, при посеве моркови – это подождать, пока почва хорошенько прогреется... Так?

– Так, – тут же кивнул Пашка, совершенно не вникая в смысл моих слов. – А второй принцип? Погоди, какой моркови?

– Оранжевой! Куда ты вылутился?

– Там вроде историки стоят.

Боже! Ушацкая! Покоя мне от нее нет. Я взглянула в ту сторону, где столпились студенты. Судя по тому, как многие расхаживали туда-сюда с раскрытыми тетрадами, у историков тоже вот-вот должен был начаться зачет.

– Что-то Ульяну не вижу, – проговорил озадаченно Пашка.

– Украли, наверное, такую девочку золотую, – проворчала я.

– А?

– Сороки, говорю, унесли.

– Полюшко мое русское, – обратился ко мне Пашка, – а ты не могла бы подойти вон к тем девчонкам и поинтересоваться, где Ульяна?

– А сам что? – Я скрестила руки на груди.

– Это ее подруги, я уже столько раз донимал их расспросами об Уле, боюсь, они меня за маньяка сочтут.

– А ты и есть маньяк, – сказала я. – И какая из них Маша?

– Какая Маша? – не понял Пашка.

А мне та таинственная «М» на дисплее смартфона покоя не давала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.